

# Сезон прогулок босиком

**Автор:**

Сьюзен Мэллери

Сезон прогулок босиком

Сьюзен Мэллери

Сирсаке. Ежевичный остров Сьюзен МэллериЕжевичный остров #1

В морском воздухе Ежевичного острова витают старые тайны, любовные потрясения и шанс начать все сначала.

Добро пожаловать на Ежевичный остров.

Неважно, как вы здесь оказались; приплыли на пароме или проехали тысячу километров на машине, – это идеальное место, чтобы расслабиться и никуда не спешить. Здесь местные жители и гости острова собирают сладкую ежевику, проводят время за хорошей книгой и наслаждаются видами на шумный океан, в котором каждый день тонет солнце.

Ежевичный остров (Blackberry Island) расположился недалеко от Сиэтла. Он был открыт в 1792 году Джорджем Ванкувером, капитаном британского флота, который исследовал залив Пьюджет-Саунд. Американские поселенцы, прибывшие на остров в 1848 году, называли остров в честь фруктовых кустарников, которые росли повсеместно. Первоначальное название Ежевичного острова – остров Перьев (Feather Island).

В 1889 году население острова увеличилось вдвое. Именно тогда были построены башни «Три сестры», о которых пойдет речь во второй книге цикла.

Индустрия туризма сегодня остается основной отраслью Ежевичного острова.

«Сезон прогулок босиком» – первая книга цикла «Ежевичный остров».

Это история возвращения домой Мишель. Она может показаться сильной и независимой женщиной, но, как известно, за любой броней скрывается то, что мы бережно храним и защищаем. В душе она все еще раненая девочка, сбежавшая из дома много лет назад.

Вернувшись на Ежевичный остров, Мишель предстоит продолжить дело матери, – управлять местным отелем. Но старые обиды мешают ей преодолеть разрушительное прошлое, от которого она бежала.

А пока... отель «Ежевичный остров» встречает новых гостей.

Сезон прогулок босиком открыт.

«Сьюзен Мэллери – новая королева романтической прозы». – (Walmart) Booklist

«В этом романе автор бестселлеров Сьюзен Мэллери раскрывает портреты женщин, создавая пронзительную историю о прощении, дружбе и семье». – Library Journal

Сьюзен Мэллери

Сезон прогулок босиком

Susan Mallery

Barefoot Season

© 2012 by Susan Mallery, Inc.

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

\* \* \*

Посвящается женщинам, которые служат в армии, покинув дом, друзей и семью.

С благодарностью, любовью и уважением.

Особенная благодарность сержанту Бетти Терман, поделившейся с автором историями из своей жизни.

Любые неточности в этой книге сделаны по моей вине.

Я благодарю Дженнет Бланко, прочитавшую эту книгу – «для проверки».

Огромное спасибо за ваши замечания и предложения. Привет фанатам группы «Золото Дураков»! Вы лучше всех!

Об авторе

Сьюзен Мэллери – автор бестселлеров № 1 по версии New York Times.

Она пишет об отношениях, которые определяют жизнь женщин, – о семье, дружбе и любви.

«Сьюзен Мэллери мастерски смешивает эмоционально правдоподобных персонажей и реалистичные ситуации» – так об авторе отзывался Library Journal.

И читатели с этим согласны – 40 миллионов экземпляров книг Сьюзен Мэллери было продано повсему миру.

## Глава 1

– Завтра я отправлюсь на войну. Может, не вернусь.

Мишель Сандерсон разглядывала почти новый (всего-то пять лет) грузовик, раздумывая, стоит ли его покупать. После этих слов она медленно повернулась к парню.

Совсем мальчишка – лет восемнадцать или девятнадцать, рыжеволосый и с веснушками. Шустрый, но слишком-слишком молодой. Впрочем, руки-ноги длинные, да и грудь еще раздастся. «Все-таки скорее мужчина, чем мальчишка, – подумала она, – но пока еще не созрел».

– Извини, – сказала она, почти уверенная, что ослышалась. – Что?

Он подмигнул ей с широкой ухмылкой:

– Может, я не задержусь в этой жизни. Вот ты купишь сейчас тачку, а потом давай выпьем. Я иду в армию, понимаешь? Давай обмоем это дело.

– Сейчас два часа дня.

– Тогда можем заехать ко мне домой.

Мишель не знала, то ли ей рассмеяться, то ли отшить его, да так, что он заплачет, как маленькая девочка. Уж ей-то не привыкать. Она служила в армии десять лет, причем половину из них в Ираке и Афгане. Ей нередко приходилось отшивать похотливых ребят, уверенных в своей неотразимости, и у нее был солидный опыт по этой части.

Смеяться ей, впрочем, было тяжело. У нее болело все тело. Не только бедро, словившее не так давно парочку афганских пуль, после чего ей частично заменили сустав, но и все остальное. Она провалялась в госпитале дольше, чем ей хотелось бы. Физиотерапевт заверял ее, что все постепенно пройдет. Она пыталась качать права, мол, рано выписывают, и ее оставили еще на три дня, но потом все-таки выпихнули.

– Слушай, я не старовата для тебя? – спросила она.

– Зато опытная. – Парень подмигнул.

Она все-таки засмеялась, несмотря на боль:

– Да, конечно. Фантазии покоя не дают?

– Спрашиваешь!

Его так и разбирает, подумала она, с каждой секундой все сильнее ощущая усталость. А еще, вероятно, ему не успели проверить зрение. Она знала, что не в лучшей форме: бледная, похудела, пока валялась на больничной койке, глаза ввалились, волосы тусклые. Ходит, опираясь на трость. Парень молодой, гормоны разбушевались, и он ничего не видит.

Сообразить, как отказаться от его приглашения, она не успела: из-за угла выскочил желтый лабрадор и помчался к ней. Мишель торопливо отступила на шаг, чтобы он не сбил ее с ног. Это движение дало нагрузку на бедро, и все ее тело пронзила острая боль.

На секунду все поплыло перед глазами. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. К горлу подкатила дурнота. Ничего себе выбор, в отчаянии подумала она, стараясь прийти в себя, не нужно мне ни того ни другого. На удивление

сильная рука обхватила ее и удержала от падения.

– Бастер, уйди.

Мишель заморгала, и прохладный, сырой день вернулся на свое место. Огонь в бедре уменьшился, и она смогла дышать. Парнишка стоял так близко, что она видела веснушки на его носу и маленький шрам на правой щеке.

– Ты как, нормально? – спросил он.

Она кивнула.

Он немного отошел и пристально посмотрел на нее. Пес тоже отбежал и тревожно повизгивал, глядя на нее темными глазами.

Она протянула к нему руку:

– Все о'кей, Бастер. Все нормально.

Пес подошел и обнюхал ее пальцы, потом быстро лизнул.

– Эй, Бастер, я сам хотел это сделать, – сказал парень и неуверенно засмеялся.

– Извини. Он мне больше приглянулся. – Мишель улыбнулась.

– У тебя что-то болит?

Она слегка подняла трость:

– Ты думал, это у меня для понтов? Модный аксессуар?

– Вообще-то, я даже не заметил ее.

Кажется, она была права и у него в самом деле что-то со зрением.

– Просто недавнее ранение. Пуля задела. – Вообще-то, пуля серьезно повредила мышцы, кость и несколько сухожилий, но кому это интересно?

Парень посмотрел на ее трость, на армейский ранец на тротуаре и снова заглянул в глаза Мишель.

– Ты была там? – спросил он.

Слово «там» можно было бы отнести к сотне мест, но она знала, что он имел в виду. И молча кивнула.

– Круто. Ну и как там? Тебе было страшно? Как ты думаешь... – Он вздохнул, потом выпалил: – Я смогу это выдержать, как ты думаешь?

Ей хотелось сказать ему: нет. Что остаться дома, тусоваться с друзьями, ходить в колледж было бы гораздо проще. Безопаснее. Удобнее. Но простой путь не всегда лучший, а некоторые люди готовы платить любую цену, только бы поучаствовать в каких-нибудь эпохальных событиях.

Сама она оказалась в армии по менее романтическим причинам, но со временем перековалась в солдата. Загвоздка состояла в том, как ей теперь повернуть все вспять – к нормальной жизни.

– У тебя все будет в порядке, – сказала она, надеясь, что это правда.

– Я стану героем? – спросил он с ухмылкой и похлопал рукой по пикапу. – О'кей, ну, ты меня прямо смутила. Такая сексуальная да еще и ветеран войны. Но я все равно буду стоять на своем. Я хочу десять тысяч. И ни цента меньше.

Сексуальная? Вот это уже совсем смешно. На нынешнем этапе жизни она с трудом могла представить себя подружкой девятнадцатилетнего парня. Хотя – еще бы! – такой комплимент всегда приятно услышать.

Она снова переключилась на автомобиль. Выглядит прилично, сравнительно новые шины и лишь парочка вмятин. Пробег тоже не слишком большой; это позволит ей спокойно проехать несколько лет, не думая о ремонте.

– Десять – офигенно много, – ответила она. – Я плачу налом. Меня устроит что-то ближе к восьми.

– К восьми? – Он прижал руки к груди. – Ты меня убиваешь. Неужели ты хочешь убить меня, будущего героя?

– Ладно тебе, детка, – засмеялась она. – Давай прокатимся и заедем к моему приятелю-механику. Если он скажет, что машина хорошая, я дам тебе девять с половиной и можешь считать себя в выигрыше.

– Дело говоришь.

\* \* \*

Через два часа Мишель высадила парня – Брендона – возле его дома. Знакомый механик осмотрел грузовик и показал большой палец, после чего она рассталась с аккуратной пачкой новеньких банкнот. Взамен забрала документы и ключи.

Теперь, отъезжая от дома Брендона, Мишель поглядывала на серое небо. Она вернулась в штат Вашингтон, на его запад, где дожди шли так часто, что солнечный день становился сенсацией и о нем писали газеты. Везти вещи в кузове было рискованно, они легко могли намокнуть, но она решила, что тучи выглядят скорее ленивыми, чем зловещими, и она доедет до дома без дождя.

Дом. Он был так далеко от места, где она провела последние десять лет. Ежевичный остров, настоящий островок[1 - Слово «Айленд» (Island, остров) часто встречается в англоязычных топонимах (например, в названии американского штата Род-Айленд), однако не всегда относится к настоящим островам, в отличие от этого случая. – Здесь и далее прим. ред.] в заливе Пьюджет-Саунд, соединенный с материком длинным мостом, может, технически и находился недалеко от Сиэтла, но это был совсем другой мир. Единственный городок на острове гордо именовал себя «Новой Англией Западного побережья». Мишель никогда не понимала зачем.

Тихий туристический остров с разнообразными магазинчиками и неторопливым течением жизни славился в первую очередь ежевикой. На нем было полно глупых традиций, а ритм сезонов всегда казался ей досадно нелепым. Во всяком

случае, раньше. Но то, что она когда-то не ценила, теперь выглядело вполне привлекательным.

Она поерзала на сиденье; боль в бедре никогда не исчезала. Физиотерапевт клялся, что все быстро пройдет и что Мишель поправится быстрее, чем думает. Ей уже надоел сам процесс выздоровления – он тянулся чертовски долго. Но торопить тело было совершенно незачем.

Она выбралась на приличную дорогу, потом на автостраду. Вписалась в поток и поехала на север. Ее удивило количество машин. И порядок на дороге. За последние годы она привыкла к «Хаммерам» и десантным боевым машинам, а не к спорткарам или внедорожникам. Успела она забыть и здешний сырой, холодный воздух. Она включила печку и пожалела, что не вытащила из рюкзака куртку. Неважно, что на дворе май. В этой части страны погода не для неженки. Лето наступает поздно. К счастью, туристы его не ждут и заявляются раньше.

Она знала, какими будут ближайшие четыре месяца. Со Дня поминовения в конце мая и до Дня труда в сентябре остров будет набит туристами. Они приезжают ради знаменитых журавлей Пьюджет-Саунда, катания на лодках и ежевики. Ежевичный остров, как всем известно, жемчужина Западного побережья. Туристы наполнят рестораны, магазинчики, будут покупать всякие поделки. И есть ежевику.

Они будут добавлять свежую ежевику в оладьи, салаты и вообще в любые блюда, известные человеку. Будут покупать в ларьках ежевичное мороженое и пирожки с ежевикой, кухонные полотенца и кружки с ежевичными рисунками и пробовать сомнительные результаты ежегодного кулинарного состязания «Ежевика с перцем». И что лучше всего – они займут все свободные комнаты в радиусе пятидесяти миль. Включая номера в отеле «Ежевичный остров».

Мишель буквально слышала радостное гудение гостиничного счетчика банкнот. Как и почти любой бизнес на острове, отель каждый год зарабатывал почти все деньги за эти четыре драгоценных месяца. Дни будут длинные, часы – бесконечные, от работы будет разламываться спина, но после долгого отсутствия Мишель не терпелось включиться в жизнь отеля. Вернуться в то место, где ничего и никогда не меняется.

\* \* \*

– Она уже здесь? – спросила Дамарис, остановившись в дверях кабинета.

Карли Уильямс оторвалась от гостевой карточки, на которой писала приветствие. Отель «Ежевичный остров» предлагал своим гостям персональный сервис. Перед их приездом Карли узнавала, кто они такие, и оставляла в номере приветственные карточки. Немолодые супруги Баннеры, регулярно приезжавшие на остров полюбоваться на журавлей и отведать вина, как-то обмолвились, что очень любят воду. С тех пор Карли следила, чтобы они жили в номере с окнами на запад, а на их приветственной карточке было фото залива Блэкберри на закате.

На листе бумаги валялись обрезки ленточек и тесемок и погнутый пинцет. Там же стоял клеящий карандаш. Карли машинально стряхнула с ладони маленькую блестку.

– Еще нет, – ответила она и улыбнулась. – Я ведь сказала, что дам тебе знать, когда она приедет.

Дамарис вздохнула. Очки сползли на кончик носа, придавая ей вид рассеянной особы. Новички из obsługi не раз жестоко обманывались, надеясь, что она не заметит опоздания или оплошности официантки, не предложившей гостю кофе.

– Я надеялась, что она уже здесь, – сказала Дамарис. – Я так соскучилась по Мишель. Так давно ее не видела.

– Это верно, – пробормотала Карли; ей не хотелось думать о том, как изменится ее жизнь после возвращения Мишель. Как бы она ни напоминала себе, что Мишель ранена, у нее все равно жгло и тянуло под ложечкой.

Теперь все стало по-другому, уговаривала она себя. Последние три месяца она разумно управляла отелем, совсем одна. Она была ценным работником для отеля. Вот только поймет ли это Мишель?

Дамарис зашла в кабинет и села возле стола.

– Я до сих пор помню, как она наняла меня, – вздохнула пятидесятилетняя повариха. – Сколько ей тогда было? Шестнадцать? У меня дети были старше ее.

Она сидела вот там же, где ты сейчас. Такая перепуганная. Я видела, как она дрожит. – Узкие губы женщины растянулись в улыбке. – Она взяла в библиотеке книгу с советами, как проводить собеседование. И пыталась спрятать ее под бумагами, но я все видела.

Улыбка сползла с ее лица, а темные глаза прищурились.

– Ее матери, Бренде, тоже не мешало бы в свое время заниматься такими вещами, но она никогда этого не делала. А Мишель любила этот отель.

Карли вздохнула. Они с Дамарис много раз спорили на эту тему. Карли соглашалась, что да, у Бренды имелись недостатки, покойница была не подарок. Но ведь она спасла Карли. Дала ей работу и цель в жизни. Так что Карли в долгу перед ней. А что до Мишель...

– Надеюсь, ей понравятся перемены, – отрешенно пробормотала Карли. Грудную клетку стянуло напряжение, причем настолько сильно, что ей пришлось заставлять себя расслабиться, чтобы сделать глубокий вдох. Ей больше не нужны стрессы в жизни. – Ведь ты написала ей о том, что мы сделали, да?

– Я писала ей каждый месяц, – ответила Дамарис и всхлипнула. – А вот ее мать никогда этого не делала.

«Ну вот, опять она за свое, забалтывает меня», – подумала Карли. Но сдаваться не собиралась.

– Гостям нравятся твои булочки с ежевикой. Я вот что подумала. Может, нам по воскресеньям продавать их в упаковке? Чтобы наши гости могли увозить их домой в качестве сувениров. Как ты думаешь? Или это слишком хлопотно?

Дамарис выпрямилась:

– Я могу печь и больше. Разница небольшая.

– Мы можем продавать их упаковками по четыре и по восемь штук. А завертывать в декоративную пищевую пленку, которую недавно купили.

Дамарис уже знала себестоимость каждой булочки, так что рассчитать цену было довольно легко. Карли хотелось положить к выпечке еще и бумажку с рецептом, но она знала, что лучше даже не заикаться об этом. Дамарис защищала свои рецепты, как тигрица своих тигрят, – зубами и когтями.

– Я загляну к тебе еще раз. Может, она к тому времени уже приедет, – сказала Дамарис, вставая.

Карли кивнула и с неохотой вышла из кабинета. Мало что в отеле осталось прежним – отрицать невозможно, как ни старайся. Бренды нет, а Мишель возвращается. Уже этого было достаточно, чтобы нарушить баланс, но ведь наверняка появятся и новые сложности. Десять лет отсутствия изменят любого, и Карли знала, что Мишель вернется совсем другой. Вот только насколько другой – это вопрос. Люди не всегда меняются в лучшую сторону.

Она остановилась в коридоре. Как можно измениться в лучшую сторону? Может, и ей хватит уже читать библиотечные книги с разными советами, а вместо этого завести приятный роман и расслабиться?

Она прошла в вестибюль и шагнула за высокую темную резную стойку администратора. Погладила знакомую, слегка потертую поверхность, и это прикосновение ее успокоило. Она знала каждую царапину, каждое пятнышко. Левый нижний ящик всегда застревает в дождливую погоду, а ручка правого верхнего разболталась. Она знала, где уборщицы прячут лишние полотенца и в каких номерах может барахлить сантехника. Она даже с завязанными глазами найдет любое помещение. Даже в полной темноте она скажет, где находится, по запаху, по скрипу половиц, по выключателям.

Десять лет этот отель был ее домом и убежищем. Ее ужасно пугало, что Мишель одним движением руки может отобрать у нее все. И никого не смутит, что это будет несправедливо с точки зрения высоких моральных ценностей. Карли опасалась, что о них уже мало кто помнит.

– Вон! Гляди! – закричала Дамарис и показала на окно.

Карли посмотрела на чисто вымытые стекла и увидела поначалу лишь их блеск и белую раму и только потом – подъехавший маленький грузовик. Она перевела взгляд на зеленую траву и россыпь ромашек.

Цветы были ее хобби, ее страстью. Там, где другие мало что замечали, она видела герберы, шасту, нивяник, «огни Бродвея», «голд раш», гелиопсис и, конечно, уникальную ежевичную ромашку. Ромашки были символом отеля. Они были изображены на вазах, стоявших на ресторанных столах. Они танцевали на обоях номеров, украшали стены коридоров и фирменные блокноты отеля. Она думала о цветах в саду отеля, когда помогала Бренде выбрать цвет для новой крыши. Теперь на крыше лежала темно-зеленая композитная черепица, и этот цвет повторялся в ставнях и парадной двери.

Дамарис бежала по лужайке; белый фартук трепетал, словно крылья бабочки. Карли смотрела ей вслед, хотя и без особого желания, и прислушивалась к возгласам, хотя мало что слышала. Пожилая повариха раскинула руки и обняла женщину, гораздо более высокую и худую, чем помнила Карли.

Мишель выпрямилась, усмехнулась и тоже обняла Дамарис. Ее прическа изменилась и была уже не такая короткая, как когда-то. Теперь на голове Мишель была темная грива волос, почти кудрявых. Лицо утратило прежнюю округлость. И вообще она выглядела словно после долгой болезни. Конечно, Карли знала про ее ранение. Мишель казалась слабой и хрупкой, но Карли не доверяла тому, что видела. Мишель была не из тех, кто позволяет себе слабость. Ее скорее можно было сравнить со страшными инопланетянами из фильмов, которые никогда не сдаются.

Она и Мишель были практически ровесницами – с разницей всего в несколько месяцев. Когда-то давно, до того как все переменилось, Карли знала лицо Мишель лучше, чем свое собственное. Она знала на нем каждую царапину и историю ее появления.

В ее жизни были три переломных момента: день, когда она прочитала прощальную записку сбежавшей из дома матери; вечер, когда Карли увидела, что ее лучшая подруга спит с ее женихом, и утро, когда Бренда увидела в магазине рыдающую Карли, потому что у нее не было денег даже на бутылку молока, которое она должна была пить каждый день по настоянию акушерки.

Если сложить эти эпизоды вместе, едва ли получится и четверть часа. Минута тут, две минуты там. Но все-таки каждый из этих эпизодов изменил ее жизнь, разбил все, что было ей дорого, швырнул Карли на пол и оставил лежать хватая ртом воздух. От ее прежнего мира, частью которого была и Мишель, остались

лишь жалкие клочки.

Затаив дыхание, Карли глядела на подходившую к отелю женщину. Снова ее налаженная жизнь висела на волоске. Снова Мишель будет решать ее судьбу, и Карли ничегошеньки не могла с этим поделать. От такой несправедливости у нее перехватило дыхание, но она велела себе расслабиться, потому что бывало и хуже. Она переживет и это.

Зазвонил телефон. Карли повернулась к стойке администратора и взяла трубку.

– Отель «Ежевичный остров», – сказала она чистым, уверенным голосом.

– Сейчас посмотрю, – продолжала она и заглянула в компьютер. – Да, у нас есть свободные комнаты на это число.

Записывая информацию, подтверждая время прибытия и номер кредитной карточки, она чувствовала приближение Мишель. Охотник вернулся. Карли оставалось лишь гадать, станет ли она его очередной добычей или отпразднует вместе с Мишель их совместный успех.

## Глава 2

Знать и видеть – вещи разные. Мишель смотрела на фасад отеля и понимала, что впереди ее ждет еще не одно разочарование.

– Как хорошо, что ты вернулась, – сказала Дамарис и снова обняла ее так, что у Мишель захрустели кости.

Что ж, по крайней мере, это было знакомо, как и запах корицы и ванили от булочек, которые пекла повариха каждое утро. Но все остальное было ужасным. Начиная с крыши – отвратительного зеленого цвета – до таких же ставень. Изменился даже силуэт здания, в котором выросла Мишель: отель утратил прежнюю стройность линий, казался потяжелевшим. Как будто на нем лежали булочки с ежевикой, и теперь их нужно было убрать оттуда и помочь зданию «прийти в форму».

Слева, где прежде был ресторан, из стены торчала пристройка, врезавшаяся в боковую лужайку и склон, по которому Мишель каталась ребенком. Справа, словно бородавка, примостилось яркое и кричащее недоразумение с витринами, где была выставлена обычная островная дребедень – куколки и маяки, ветряные колокольчики и мелкие витражи.

– Там теперь сувенирная лавка? – спросила она, вернее, прорычала.

Дамарис пожала плечами и вздохнула:

– Это была идея твоей матушки. Или, может, Карли. Не знаю, не слышала их разговоров. Они как птички. Чирикали, щебетали, ничего не понять.

Маленькие, но сильные руки Дамарис схватили ее за локоть.

– Не переживай из-за этого. Ты теперь дома, и это самое главное. – Она озабоченно поджала губы. – Ты слишком худая. Погляди на себя. Кожа да кости.

– Это из-за госпиталя, – призналась Мишель. – Ничего так не лишает тебя аппетита, как попавшая в бедро пуля.

Краешком глаза она уловила трепет крыльев. Вот они: неизменные журавли кружили над серыми водами Пьюджет-Саунда. Эти птицы привлекали на остров туристов и орнитологов. Люди почему-то находят их интересными. Что до Мишель, то она никогда их не любила. Когда ей было восемь, она то и дело становилась жертвой журавлиного помета. То ли ей просто не везло, то ли это был птичий заговор. В любом случае если раньше она была равнодушна к журавлям, то с тех пор возненавидела их. Ей до сих пор хотелось, чтобы они исчезли с острова.

Она снова посмотрела на отель, и сердце защемило от разочарования. Зачем так изуродовали красивую постройку? Матери не стоило этого делать.

«Впрочем, едва ли это вина матери, – сказала себе Мишель. – Тут подсуежилась Карли, это точно».

– Заходи в дом, – сказала Дамарис, подходя к крыльцу. – Сейчас пойдет дождь, а я хочу тебя покормить.

Мишель постепенно успокаивалась. Что ж, по крайней мере, Дамарис такая, как и была, – приветливая и добрая; ей всегда нужно накормить всех вокруг. На нее можно положиться.

Она шла рядом с низенькой поварихой. Ей хотелось опереться на трость, но она категорически запрещала себе проявлять слабость. Не та ситуация. Сейчас она не знала, чего ей еще ждать, каких сюрпризов. А в ее мире было так: если ты не знаешь, что тебя ждет, значит, ты в опасности.

Да уж, мрачно подумала она, это замечательный результат ее многократных командировок в Ирак и Афганистан. Помимо нескончаемых и изматывающих ночных кошмаров, неожиданных вспышек гнева и миленького тика, который появлялся время от времени под левым глазом.

Она-то, дура, убеждала себя, что все станет о'кей в ту же секунду, как только она увидит отель. Что достаточно будет вернуться домой. Конечно, она понимала, что это самообман, но надежда все-таки жила. Теперь надежда съежилась и сдохла, оставив ей лишь боль в бедре и отчаянное желание вернуться назад, в прошлое. Чтобы ей снова было десять лет и она забралась бы на колени к папе и почувствовала, как его сильные руки обнимают ее, прогоняя все горести.

– Мишель? – В голосе Дамарис звучало беспокойство.

– Все нормально, – солгала она и улыбнулась. – А если не веришь, скажу тебе, что я планирую вскоре поправиться. Такой ответ тебя устроит?

– Только если ты пообещаешь мне усиленно питаться.

– Пока пузо не лопнет.

В волосах Дамарис появилась седина, совсем чуточку, а возле глаз прибавилось морщинок, но в остальном она совсем прежняя. Ладно, и то хорошо. Мишель искала хоть что-то, что она могла бы узнать. «Даже в саду стало все по-

другому», – подумала она и остановилась перед яркими цветами, шевелившимися под ветерком.

Их оттенки складывались в веселый узор, он обрамлял лужайку, тянулся к дому, огибал его. Цветы все были разные, и они будто что-то искали, неизвестно что, но очень настойчиво. Их яркость была по ее измученным нервам, они словно кричали ей что-то, и Мишель хотелось закрыть глаза и заткнуть уши.

Перед ступеньками веранды ее внимание снова вернулось к отелю. Она собралась с силами, чтобы справиться с огнем, который обожжет ее бедро и ногу и сменится тошнотой и потом.

Она поставила правую ногу на первую ступеньку, подняла левую. Готовность к пламени не сделала его менее обжигающим. Боль разрывала ее, заставляла взмолиться о пощаде или хотя бы остановиться. Столько переделок в отеле, но почему же тут не позаботились о пандусе?

Добравшись до верха, она покрылась холодным, липким потом, а ее ноги дрожали. Если бы она что-нибудь поела утром, ее бы стошнило. Ничего себе – элегантное возвращение домой. Карие глаза Дамарис пристально, с тревогой наблюдали за ней.

– Ты подумала о матери? – спросила она спокойно, словно ответ ей и не был нужен. – Я знаю, что вы с ней никогда не ладили, но все равно, ведь она умерла. Не осуждай себя за то, что ты не приехала на похороны.

– Я и не осуждаю, – выдавила из себя Мишель сквозь стиснутые зубы. Огнестрельное ранение – лучшее из оправданий.

Еще несколько вдохов и выдохов – и боль немного стихла, ее можно было терпеть. Мишель кое-как смогла выпрямиться. Это позволило ей заметить, что мебель на веранде была новая, как и перила. Мать явно свободно распоряжалась доходами от отеля.

– Привет, Мишель. С возвращением домой. Добро пожаловать.

Мишель посмотрела в сторону широкой двустворчатой двери и увидела стоявшую на пороге Карли.

Здесь тоже перемены. Короткие волосы вместо длинных, но такие же светлые; те же темно-синие глаза, но чуть-чуть подведенные. Меньше от готки, больше от леди-за-ланчем[2 - Ladies-who-lunch («леди-за-ланчем») – так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.].

Простая черная юбка и туфли на плоской подошве, розовая блузка с длинными рукавами и крошечными рюшами на манжетах – абсолютно профессионально для отеля. Рядом с Карли Мишель показалась себе грубой в своих мешковатых штанах карго, но их ей проще всего натянуть. Футболка с длинными рукавами побывала на войне и выглядела соответственно. Мишель не помнила, когда в последний раз пользовалась косметикой или кремом. Или стриглась у профессионального парикмахера.

На контрасте с ней Карли была красоткой. Красивее, чем Мишель помнила ее. Женственнее.

Когда они росли, красоткой была Мишель – с длинными темными волосами и большими зелеными глазами. Карли была умной. Напарницей в конкурсе «У кого лучше улыбка»... Мишель расстроилась, ей захотелось повернуться и уехать. Назад в...

В том-то и дело. Отель – это все, что у нее есть, и уезжать не выход.

Карли продолжала улыбаться, выглядела спокойной, держала себя в руках.

– Мы так рады, что ты вернулась. – Улыбка исчезла. – Мне очень жаль Бренду. Она была чудесной женщиной.

Мишель подняла брови. Покойную мать можно было описать разными словами. Но слова «чудесная» среди них не было.

Впрочем, еще больше ее беспокоили манеры Карли. Словно это было ее место, где она всех встречала. Словно она чувствовала себя здесь полновластной хозяйкой.

– Прошло так много времени, – добавила Карли. – Я не видела тебя с... – Она помолчала. – Прошло так много времени, – повторила она.

Эти слова, может, импульсивные, может, приготовленные, напомнили Мишель последние часы, которые она провела в этом доме. Предполагалось, что она должна чувствовать себя смущенной или виноватой. Карли ожидала от нее извинений. И все же, несмотря на то что она сделала, Мишель обнаружила, что ей хотелось, чтобы извинилась Карли. Словно это Карли сделала ей гадость, а не наоборот.

Они долго глядели друг на друга. Мишель гнала от себя воспоминания. Слишком хорошие, думала она с неприязнью. Они с Карли провели вместе тысячи часов, они вместе росли...

Она деловито направилась к двери. Как и ожидалось, Карли шагнула в сторону, пропуская ее.

Внутри тоже все переменялось, как и снаружи. Новые шторы веселенькой расцветки, вокруг камина тоже все новое. Деревянный пол покрыт свежим лаком, стены покрашены, в коридоре, ведущем в ресторан, появилась на стене роспись – те же самые чертовы ромашки.

Но стойка администратора была прежней, и это немного успокоило Мишель, поддержало ее морально – увы, не физически. Пока комната кружилась и плыла перед глазами, Мишель поняла, что с ее стороны глупо было ожидать, будто в отеле ничего не изменится. Ей казалось, что она вернется точно туда, откуда уехала, – минус ее мать. Что, войдя в свой дом, она почувствует себя так, будто никуда не уезжала. Будто никогда не была на войне.

– У тебя все в порядке?

С этими словами Карли протянула руку. Свет упал на золотой браслет на ее запястье.

Мишель прекрасно знала его. В детстве ее завораживало сверкание золотых шармов. Когда она подросла, она узнала историю каждого шармика, а потом и сама придумывала маленькие сюжеты про нежную морскую звезду, крошечную тувельку. Браслет принадлежал ее матери – и вызывал в памяти Мишель чуть ли не единственное хорошее воспоминание о ней.

Теперь его носила Карли.

Мишель не нужен был этот браслет, но, черт побери, она не хотела видеть его на Карли.

В ней забурлил, зашипел гнев, словно воду плеснули на горячую сковородку. Ей захотелось схватить Карли за тонкую руку и сорвать с нее эти золотые цепочки. Забрать их, растоптать, наорать на бывшую подругу.

Она набрала полную грудь воздуха, как ее учили. Хотя она не очень верила в посттравматический синдром, ей сказали, что он у нее присутствует. Поэтому она слушала консультантов, а те говорили, что ей нужно избегать стрессов, много отдыхать и хорошо питаться. Она слушала и запоминала то, что могло ей пригодиться.

Она сделала дыхательное упражнение, потому что у нее болело все тело и она больше ни на что не была способна. Потом захромала прочь с невыносимым огнем в бедре. Мягкие ткани ее тела буквально рыдали.

Она прошла направо через небольшой холл, повернула за угол и остановилась перед дверью без таблички. «Наконец-то, хоть это не изменилось», – подумала она и погладила пальцами дверную раму, где маленькими насечками было отмечено, как она росла. Насечки резко закончились, и не из-за того, что она перестала расти, а потому что отца, человека, который так любил ее, уже не было с ними.

Она повернула дверную ручку и хотела зайти в комнату. Спрятаться там и зализать свои раны.

Дверь была заперта. Новая попытка, и вот она постучала кулаком – резко и решительно.

Дверь открылась, за ней стояла, вытаращив глаза, девочка-подросток.

– О, привет, – сказала она, слегка наморщив веснушчатый нос. – Гостевые комнаты все наверху. Это приватная зона.

– Я знаю, что это такое, – ответила Мишель, заговорив впервые после того, как зашла в отель.

– Кто это, Бриттани? – крикнула другая девочка из глубины комнаты.

– Я не знаю. – Девочка-подросток снова повернулась к двери и ждала, когда Мишель уйдет.

Мишель хотела зайти в свою комнату, рухнуть на постель и спать. Потому что сон – лекарство, когда удастся заснуть.

Она прошла мимо девочки и шагнула в Зазеркалье.

Там все изменилось, ничего не осталось таким, каким должно быть. Ни стена, ни ковры на полу, ни мебель. Исчезла старая клетчатая софа, на ее месте стоял тугой диван с голубоватым чехлом. Назойливые ромашки были всюду – в вазах, на подушках и картинках. Даже на занавесках. А там, где их не было, – там была ежевика.

Она озадаченно смотрела на новые стулья, на незнакомый кухонный столик и игрушки. Домик для кукол в углу. Плюшевые звери и коробки с играми на широком подоконнике.

Девочка лет десяти встала перед Мишель и испуганно посмотрела на нее темно-синими глазами. В руке она держала плеер.

– Кто вы? – спросила она, раскрыв большие глаза еще шире. – Я знаю, – прошептала она и попятилась назад. – Уйдите. Вы должны немедленно уйти!

– Габби! – с ужасом воскликнула подросток.

Мишель выскочила из комнаты, игнорируя мучительную боль в бедре, и заковыляла прочь. Все шло не так. Слишком много боли, стены плывут перед глазами. Она не могла дышать, не понимала, куда попала. Она шагнула, как ей казалось, на твердую почву, но вместо этого обнаружила, что проваливается в бездонную трясину.

Она быстро неслась по коридору, понимая, что ей это вредно и что она скоро заплатит за свою неосторожность. Но сейчас ей было плевать. В холле ее ждала Карли. Элегантная, подтянутая и с браслетом Бренды. Мишель остановилась перед ней.

– Ты уволена, – медленно и внятно проговорила она, несмотря на жгучую боль в бедре.

Карли побледнела.

– Что? Ты не можешь так поступить.

– Могу. Отель принадлежит мне, забыла? Ты уволена. Собирай вещи и катись отсюда. Я больше не хочу тебя видеть.

Она прошла мимо Дамарис, скорее сползла, чем сошла по ступенькам и направилась к автомобилю. Чуть не потеряла сознание от боли, когда втягивала в кабину левую ногу, потом завела мотор и умчалась прочь.

Два резких поворота направо, и она остановилась на обочине. Из горла вырвались отчаянные рыдания. Холод пробрал ее до костей, руки дрожали.

Слез не было – только звуки и понимание того, что хоть она и вернулась домой, это не означало, что у нее был дом.

### Глава 3

– Сегодня у нас в ресторане особое блюдо – курица под соусом марсала, – с улыбкой сказала Карли пожилым супругам, сидевшим у окна. – Грибы, свежая

зелень и сливочный соус марсала с пастой ригатони. Потрясающе вкусно.

Женщина с седыми волосами, уложенными в высокую прическу, улыбнулась.

– Не уверена, что моя талия это выдержит, но предложение заманчивое.

Ее супруг кивнул:

– Мы принесли свое вино. У вас это можно, не так ли?

Карли взглянула на бутылку. В левом верхнем углу этикетки наклеен стикер с ежевикой. Значит, бутылка куплена в городе.

– Конечно, – ответила она. – У нас нет пробкового сбора. Хотите, я открою вашу бутылку, чтобы вино подышало?

Мужчина усмехнулся:

– Не знаю. Вы так любезны.

– Вы выбрали прекрасное вино. Почему бы вам не открыть его? Пока вы делаете заказ, я принесу бокалы, и вы снимете пробу.

– Благодарю вас. – Женщина похлопала мужа по руке. – Нам тут очень нравится. Это наш третий визит сюда. Мы не были у вас несколько лет и сейчас видим замечательные перемены.

– Спасибо. Надеюсь, вы не оставите нас надолго и вернетесь снова.

Она извинилась и ушла в буфетную. Взяв бокалы для вина и штопор, вернулась к гостям. Потом подошла к трем другим столикам и поспешила на кухню за салатами.

Пока никто из постояльцев ничего не заметил. А если они и заметили, то не комментировали, и это уже хорошо. Если она займется делами, ей некогда будет думать, некогда будет волноваться и впадать в панику.

Она зашла на светлую жаркую кухню и увидела, что салаты уже готовы. Схватила их и вернулась в обеденный зал.

Дела были простыми, и ее это радовало. Что она чувствовала? Растерянность? Нет, слабо сказано. Скорее, это был ужас.

Уволена. Нет, это невозможно. Ее нельзя уволить. Это ее дом, она прожила здесь почти десять лет. Вложила в отель душу и сердце. Любила его. Ведь надо же считаться с этим, правда? Фактически она хозяйка отеля, и закон должен это учесть. Надо что-то предпринять. Мишель не может просто так вернуться и уволить ее.

Нет, она может.

Сдерживая слезы, Карли скрылась в буфетной. Мраморная столешница холодила пальцы. Мрамор она выбирала сама, полки тоже и даже столы и стулья для расширившегося ресторана.

Она ведь обещала, думала Карли, опустив голову; глаза жгло. Бренда обещала дать ей долю в отеле. Два процента в год, пока не дойдет до половины, и тогда они станут равными партнерами. Карли сейчас по праву владела бы уже почти двадцатью процентами. Вот только отель принадлежал не Бренде.

Мишель давно утверждала, что отец оставил ей отель, но Карли была уверена, что ее подруга хвасталась и выдавала желаемое за действительное, просто потому что жила там и помогала по хозяйству. Дети ведь всегда охотно фантазируют. Но Мишель говорила правду, а Бренда лгала. И вот теперь Карли было некуда идти.

Она вытерла слезы и, возвращаясь к посетителям, изобразила на лице улыбку.

Была почти половина восьмого, когда она вернулась в приватную зону отеля – в комнаты, где она поселилась после рождения Габби, комнаты с воспоминаниями. Она обставила их на свой вкус.

Габби смотрела телевизор, но подняла голову и улыбнулась. Бриттани, ее постоянная нянька, быстро отложила свой айфон. Габби сползла с дивана и

подбежала к матери.

– Мамочка.

Больше она ничего не добавила, только повисла на ее руке.

Карли обняла дочку; как почти каждая мать на планете, она знала, что пойдет на что угодно ради своего ребенка. В том числе оградит ее от правды – что их, возможно, выселят из дома.

– Как вы провели вечер? – спросила она, убрав светлые волосы Габби с ее лица и заглянув в синие глаза.

– Хорошо. Я победила Бриттани в двух пазлах из «Колеса Фортуны»[3 - «Колесо Фортуны» – американская телеигра. Игроки разгадывают кроссворд по фрагментам и могут получить призы – какими они будут, определяется с помощью вращения ярмарочного колеса.].

Девочка-подросток усмехнулась.

– Вот видите? Ей помогли домашние задания по правописанию.

Габби наморщила носик.

– Я больше люблю математику.

– Ужин был клевый, – сказала Бриттани и встала с дивана. – Спасибо.

Карли принесла им в половине шестого пасту с курицей под соусом марсала. Она работала в ресторане два вечера в неделю и могла во время своей смены приносить ужин домой.

– Я рада, что вам понравилась курица.

– Очень понравилась, – сказала Габби.

Бриттани уже натянула куртку.

– Ты встречаешься с Майклом? – спросила Карли, провожая девочку к двери.

– Да, – улыбнулась она. – Мы пойдем в боулинг с друзьями.

– Я скоро позвоню насчет летнего лагеря, – сказала Карли и услышала, как дочь тихо фыркнула. Габби не любила летний лагерь – в основном из-за походов, потому что там приходилось плавать на каяке и ходить в горы. Дочка предпочитала читать или играть в компьютерные игры.

– Летом у меня уроки с восьми до двенадцати. – Бриттани вытащила из-за ворота куртки свою длинную рыжую косу. – Так что потом я свободна. – Она нерешительно спросила, понизив голос: – Это была она? Мишель?

Карли кивнула.

– Она не такая, как я думала. По-моему, она не злая. И ничего такого не сделала. Просто, не знаю...

Карли чуть не заспорила с ней, и это доказывало, что можно в любую минуту оказаться идиоткой.

– Она не такая плохая, – сказала она, как бы соглашаясь на компромисс. С ее стороны это было очень великодушно, учитывая, что ее уволили.

– О'кей. Доброй ночи.

Бриттани ушла, и Карли села на диван. Дочка пристроилась рядом, положив голову на плечо матери.

– Она мне не нравится, – прошептала Габби. – Неужели она останется?

Карли хотела сказать, что ей Мишель тоже не нравится, но понимала, что это будет ошибкой. Тяжело делать правильные вещи, это как заноза в заднице, подумала она, глядя дочку по голове.

– Давай поглядим, что будет дальше, прежде чем делать выводы, – весело сказала она, игнорируя ощущение надвигающейся беды.

– Мамочка, ты всегда так говоришь, – со вздохом сказала Габби. – Пытаешься понять обе стороны. Неужели тебе не хочется иногда просто рассердиться?

– Чаще, чем ты думаешь.

Она знала, что Мишель нуждается в ней. По крайней мере, в ближайшее время. Ведь кто-то должен управлять отелем. Бренда умерла, и осталась лишь Карли. Мишель потребуется время, чтобы выздороветь и войти в курс дела. Слова об увольнении прозвучали импульсивно – да, только слова, не намерения.

Это был просто самообман, думала она, крепко прижимая к себе дочку. Как если не верить в призраков, когда они рядом.

\* \* \*

Через полтора часа Карли поцеловала дочку в лоб.

– Спи, – пробормотала она. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, мамочка.

Слова были сказаны сонным голосом. У Габби уже закрывались глаза. Хотя дочка уже несколько лет не просила рассказывать ей перед сном сказку, она любила, чтобы мама укладывала ее спать, поправляла одеяло. Ей девять лет, осенью стукнет десять. Сколько еще у них впереди таких лет? Рано или поздно мама превратится для нее из подружки в досадную помеху.

Карли не помнила, с какого возраста она стала стыдиться своих родителей, считать глупым все, что они делали. В семнадцать лет она отчаянно стремилась к свободе. Забавно, что матери надо было сбежать от них, чтобы Карли поняла, как ей плохо без нее. Но было уже слишком поздно говорить ей это. И потом она уже сама, без советов матери, росла и постигала науку быть женщиной.

Она снова поцеловала Габби и молча пообещала себе никогда не бросать своего ребенка, что бы там ни было. Слабый свет ночника освещал ей знакомый путь. При всем стремлении подросшей дочки к независимости она все-таки не любила спать в темноте.

В дверях Карли задержалась и взглянула на спящего ребенка, затем на спальню. Она сама шила занавески и вешала полки. Купила дешевую краску, отыскала в местном магазине эконом-класса уцененные товары, например теплое одеяло веселой расцветки, даже не распакованное. На нижней полке шкафа стояла большая банка, Карли бросала в нее остававшуюся мелочь – копила деньги ко дню рождения дочки и на Рождество. Так что им удавалось сводить концы с концами.

Все это изменится, если ее уволят. Она потеряет не только работу, но и жилье.

Некоторое время она стояла в полной темноте и вспоминала время, когда эта комната принадлежала Мишель. В выходные они часто ночевали вместе, обычно именно здесь, потому что так было лучше. Безопаснее. Когда им было столько, сколько сейчас Габби, они плели гирлянды из ромашек и дарили их гостям отеля. Бегали на берег и бросали камешки в Саунд. Мишель бродила по холодной воде, а Карли ждала ее на берегу. Она всегда боялась воды. Она не могла объяснить причину, у нее не было никаких ранних травм. Фобия существовала просто сама по себе. К сожалению, она передалась и дочке.

В лучшие моменты она говорила себе, что у них с дочкой все хорошо – любовь, забота, уютный дом. Их жизнь была размеренной и предсказуемой. Они были счастливы. Чего бы это ни стоило, Карли должна постараться, чтобы так было и дальше.

\* \* \*

Комната в мотеле была такой же, как и в тысяче других придорожных заведений. Кровать узкая и жесткая, простыни грубые, ковер в пятнах. Темные занавески не сходились на середине. Свет фар бил в окно и чертил узоры на противоположной стене. В санузле размеренно капала вода из крана.

Мишель подумала, что могла бы найти место и получше, но ее это не слишком волновало. На одну ночь сойдет. К тому же этот мотель стоял близко от автострады, ведущей в город, и в нем ночевали водители грузовых автомобилей. Здесь она едва ли могла столкнуться с кем-то из знакомых. Прямо сейчас анонимность была плюсом.

Она пустила воду из душа, пока пар не наполнил маленькую ванную. Раздевшись, она шагнула под струи, и ее омыла горячая вода. Она взяла крошечное мыло, намылила волосы и ополоснула.

Хотя в ванной было тепло, она дрожала. Вскоре она закрыла краны и вытерлась маленьким тонким полотенцем. Мишель месяцами не смотрелась в зеркало, и это ее устраивало. Все равно она не пользовалась косметикой. Единственной уступкой коже был солнцезащитный крем. Теперь она вернулась на Северо-Запад, так что не беспокоилась и об этом.

Одеваясь, она старалась не глядеть на заживающие шрамы на бедре. Она не сомневалась, что хирург сделал все, что мог, привел рану в более-менее приличный вид, но все равно этого было недостаточно.

Конечно, она понимала, что ей еще повезло. Она была жива. Частичная замена бедра – ерунда по сравнению с тем, что доставалось другим. Она выжила, достигла цели каждого солдата – не умереть. Все остальное как-нибудь образуется.

Она вышла из крошечной ванной. В углу на узком столике лежали рекламные листки доставки блюд из ресторана. Пожалуй, ей не мешало поесть. Она сидела на антибиотиках и обезболивающих. Если у нее будет что-нибудь в желудке, они легче подействуют. Или она обойдется без них, решив проблему иначе.

На ночном столике стоял бумажный пакет. Мишель подошла и достала бутылку водки.

– Привет, – пробормотала она, отвинчивая пробку. – Я не ищу ничего серьезного. Давай проведем ночь вместе, не возражаешь?

В госпитале консультант предупредила ее, что использование юмора в качестве защитного механизма мешает полному выздоровлению. Она ответила, что

может жить и с изъянами.

Ночь была тихой. Постоянный рокот автомобилей казался практически колыбельной по сравнению с тем, что она слышала всего несколько месяцев назад. Теперь не было ни угрозы взрывов, ни рева тяжелой техники, ни реактивных самолетов над головой. Ночь была прохладной, не жаркой, а небо облачным.

Ей предстояло принять какое-то решение. Она не могла обойтись без отеля. Там было ее место, во всяком случае, когда-то. Значит, возникала проблема с Карли. Объявляя о ее увольнении, Мишель была счастлива. Может, оставить ее в отеле, чтобы иногда увольнять? Делать себе маленький подарок.

– Так нехорошо, гадко, даже для тебя, – пробормотала она, все еще глядя на водку.

Она обессиленно хотела лечь и закрыть глаза. Но она сопротивлялась, несмотря на желание выздороветь. За сон приходилось дорого платить. Он приносил сновидения, а сновидения были новым уровнем ада.

– Но только не с тобой, – сказала она, беря бутылку. – С тобой все хорошо.

Она пила большими глотками, спиртное обжигало гортань и текло в пустой желудок. Она пила и пила, пока у нее не появилась уверенность, что снов не будет, что эта ночь пройдет без них.

## Глава 4

Стук в кухонную дверь заставил Габби соскочить со стула.

– Я открою! Я открою! – закричала она.

И ведь даже замолчать не попросишь, подумала Карли. Габби была утренней пташкой. Обычно Карли не обращала внимания на ее крики, но теперь, после практически бессонной ночи, полной тревожных размышлений, пронзительный,

словно осколки стекла, голос дочки ранил ее мозг.

Габби повозилась с замком и распахнула дверь.

– Дядя Роберт!

Раскинув руки, она бросилась к появившемуся в дверях мужчине. Роберт подхватил ее и поднял высоко в воздух.

– Как поживает моя славная девочка? – спросил он, целуя ее в щеку.

– Хорошо. У нас на завтрак оладьи с ежевикой.

– Вот это неожиданность! – засмеялся Роберт.

Они посмеялись вместе, потом он поставил ее на пол. Габби снова села за стол, а Роберт закрыл дверь.

– Как все прошло? – спросил он, входя на кухню.

Карли поняла, что он имел в виду, и не знала, что ответить. Просто пожала плечами и стала готовить ему кофе. Роберт занял свое обычное место – он регулярно завтракал с ними пару раз в неделю.

– Спасибо, – поблагодарил он, взяв кружку. Потом повернулся к Габби. – Готова к школе?

Она весело кивнула, тряхнув светлыми волосиками. Габби обожала и школьные занятия, и своих подружек. Она была общительной девочкой.

– Что вы изучаете на этой неделе? – спросил он. – Дифференциальное исчисление? Ты же учишься в колледже, да?

– Дядя Роберт, мне только девять, – хихикнула Габби.

– Неужели! Ты выглядишь старше. Я бы дал тебе лет двадцать.

Это был их обычный разговор. Габби обожала своего дядю, он ее тоже. Семья у меня хорошая, говорила себе Карли. Хотя убедилась в этом, только когда родила Габби. Ее дочка была даром свыше, Карли даже не знала, за что ей такое счастье, но с остальными родственниками она почти не общалась.

Роберт был необычайно добрым и уделял им много времени и внимания. Карли знала, что им отчасти движет чувство вины. Роберт был хорошим парнем, из тех, кто не бросает слов на ветер. И ожидал того же самого от других. А вот его брат Аллен был не таким, и он ушел от Карли еще до рождения их дочки.

Это стало для нее шоком, но хуже всего было то, что он опустошил ее банковский счет и забрал все деньги до последнего пенни.

Тогда вмешался Роберт и предложил Карли жить с ним. Она отказалась и вместо этого устроилась на работу в отель. Роберт разыскал брата. Но Аллен отказался возвращаться, а все деньги уже спустил. Последовал развод. Он никогда не давал денег на дочку, но зато подписал отказ от отцовских прав. Конечно, деньги бы им не помешали, но Карли была рада и тому, что он ушел. Он был из тех людей, которые создают проблемы и спокойно уходят, не беспокоясь о том, что оставляют после себя разбитые жизни.

Габби доела завтрак и отнесла свою мисочку в раковину.

– Сейчас я почищу зубы, – объявила она и выскочила из кухни.

Роберт проводил ее глазами.

– Прямо не верится, как она выросла.

– Ей скоро десять. – Взяв свою кружку кофе, Карли села к столу.

– Ты видела ее вчера? – спросил он.

Не было смысла уточнять, о ком речь. Карли не раз делилась с Робертом своими опасениями насчет Мишель. И он был свидетелем их конфликта десятилетней давности.

– Да, – сказала она. – Мельком. Она... изменилась. Похудела. Она хромает, но это понятно.

– Ее ранили в бедро, верно? Я слышал об этом.

Карли кивнула.

– Вы поговорили? – спросил он.

– Вообще-то нет. Она была уставшая.

Или Карли так показалось. Она не собиралась делиться с ним тем, что сказала Мишель. Она даже думать об этом не хотела... пока что. Ну а уж если Мишель уволит ее, тогда она и начнет строить планы.

Вернулась паника, но она игнорировала ее. У нее будет еще много времени, сказала она себе. Когда она останется одна. Если она поддастся страху сейчас, перед Робертом, он заметит это и станет ее утешать, обнимет... Нет, она не хотела давать ему повод для этого.

Роберт был похож на брата: среднего роста, широкоплечий, темноволосый и с черными глазами. Это интриговало ее и одновременно вызывало желание убежать прочь. Аллен был младше почти на шесть лет и отличался от него невероятным обаянием и веселым нравом. То, что он уйдет от Карли, было неизбежно – словно прибой, накатывающий на скалистый берег острова.

Роберт был почти таким же красавцем, только без тяги к разрушению. Он владел автомастерской в дальнем конце города. Он был хорошим человеком, хотел заботиться о ней и Габби, и Карли позволяла ему. Потому что это было легко. Потому что он не требовал от нее ничего, никаких близких отношений, а она и не хотела их.

Но она иногда задумывалась, не придется ли ей заплатить высокую цену за эту легкость. Не используют ли они друг друга, чтобы не искать то, чего действительно хотят? Может, с кем-нибудь еще ей будет лучше? Конечно, если Мишель ее уволит, проблем будет меньше. Она подозревала, что, оставшись без дома, утратит почти всю свою привлекательность для возможных бойфрендов.

– Ну и как? Нормально? – спросил он.

– Я знала, что она приедет, но все равно видеть ее было шоком.

– Мне очень жаль. Неприятная ситуация.

– Брось говорить об этом. Тут совсем нет твоей вины.

– Он мой брат.

– Я вышла за него замуж. Знала, какой он, но все равно стала его женой.

Она вышла за него, хотя за два дня до свадьбы застукала со своей лучшей подругой. Аллен тогда винил во всем Мишель, мол, она его соблазнила, а он не виноват.

Карли до сих пор помнила все до мелочей. В тот день она наконец-то купила фигурки для свадебного торта. Нашла их в антикварном магазине в Абердине. Из тонкого фарфора, чуточку старомодные. Но ей понравилось, как они смотрят друг на друга, взявшись за крошечные руки. Она купила их, принесла в свой маленький дом и тщательно помыла. Потом решила показать их Мишель.

Да, тот день она помнит до сих пор. Журавли были всюду. Они делали гнезда и громко орали, раздираемые птичьими гормонами. И день был солнечный – редкое событие на Северо-Западе.

Она зашла в отель, чувствуя себя там чужой. Они с Мишель только недавно помирились. Их дружба, такая крепкая когда-то, дала трещину. После яркого солнца ее глаза постепенно привыкли к полумраку приватной зоны, и Карли направилась через гостиную в спальню Мишель, ни о чем не думая, не постучав. Они лежали в постели, голые. Сплетение рук и ног.

Сначала она не поверила своим глазам. Она стояла, держа в руках фигурки, и не могла понять, почему стало так плохо. Словно видела сон, в котором стулья стоят на потолке.

Потом расплывчатая картинка сфокусировалась, и Карли поняла, что случилось. Что ее предал человек, которому она должна была доверять больше всех на свете. Предал с Мишель – уже разрушившей почти все, что у нее было.

Аллен вскочил и бросился к ней. С возбужденным, влажным пенисом и всклокоченными волосами.

– Карли, пожалуйста, прости. Это случайность.

Она помнит, как он говорил что-то еще, умолял. Обвинял во всем Мишель, а та сидела на постели с равнодушным лицом. Карли ждала – не объяснений Аллена, а что скажет Мишель. Через некоторое время она и сказала.

– Ты бы шла домой.

Вот так. Четыре слова. Ни объяснений, ни извинений. Просто «ты бы шла домой».

Карли убежала прочь.

Через два дня она вышла замуж за Аллена. Потому что так было проще, чем глядеть правде в глаза. Потому что она боялась остаться одна. Забавно, что она в конце концов одна и осталась.

– Ты со всем разберешься, – сказал ей Роберт. – Вы с Мишель были подругами. Вам надо поговорить по душам, и вы снова помиритесь.

Она кивала, потому что так было проще, чем сказать правду. В том, что Карли была пострадавшей стороной, а Мишель, казалось, приехала домой ради мести.

\* \* \*

Мишель вошла на кухню отеля и вдохнула аромат корицы и кофе, смешанный с сытным запахом бекона. У нее потекли слюнки, и ей впервые за несколько месяцев захотелось есть.

Кухня изменилась – стала больше, в ней прибавилось окон, но плита была прежняя, с восемью горелками. За ней правила Дамарис, рывкая команды официанткам и помощницам.

Мишель наблюдала, как повариха посыпает омлеты своими секретными приправами и переворачивает оладьи. К омлетам добавлялись нарезанные кубиками овощи и сыр, а ежевика добавлялась ко всему. Тосты потрескивали, соковыжималка жужжала, тарелки стучали, и все это сопровождалось криком «Новый заказ!».

Голова ее болела почти наравне с бедром. После вчерашнего, когда было слишком много водки и слишком мало еды. Но сейчас она глядела на Дамарис, и боль отступала на задний план. Здесь, в этом хаосе, она наконец-то поняла, что вернулась домой.

– Последний заказ, – крикнула Дамарис, со стуком поставив еще одну тарелку.

Мишель взглянула на часы. Почти девять. В это время года и в середине недели посетители завтракают рано, многие едут потом на работу. Обычно они погружены в свои мысли, строят планы и обдумывают предстоящие дела.

– Доброе утро, – поздоровалась она, когда Дамарис выключила горелки.

Повариха повернулась и прижала руку к груди.

– Когда ты пришла?

– Несколько минут назад.

Дамарис поспешила к ней, вытирая руки о белый фартук.

– Как я рада тебя видеть, – сказала она, прижимая Мишель к себе. – Ты голодная, – заявила она, отстраняясь. – Конечно, голодная. Как же иначе? Я приготовлю сейчас твоё любимое.

– Не надо! Не хлопочи.

Темные брови поварихи поднялись над оправой очков.

– Ты думаешь, я не помню, что ты любишь? Сядь.

Мишель захромала к столешнице и села на табурет. Дамарис налила кофе и подала ей, потом посмотрела на лежавшие перед ней продукты.

– Ты не ночевала в отеле, – сказала она, нарезая коричный хлеб. – Я спрашивала.

– Мне не хотелось. – Это была почти правда. – Странно возвращаться назад.

– Это потому что ты слишком долго ждала. О чем ты только думала? Десять лет! За все это время ты не могла приехать повидаться со мной?

Мишель не ответила. То, что она не приезжала, не имело никакого отношения к Дамарис – дело было в Карли и Бренде.

– Что ты думаешь о здешних переменах? – спросила Дамарис, взбивая яйца.

– Их тут больше, чем ты говорила. Весь отель изменился.

– Я не хотела тебя расстраивать. Карли предложила, а твоя мать взялась за дело. Подрядчик был из Сиэтла. Бренда не стала нанимать местных. По-моему, она спала с ним.

– Моя мать?

– Он использовал ее, если хочешь знать. Новая крыша и переделанная кухня видишь какие? Мне даже было жалко ее. Он уехал, как только закончил работы, и больше носу не показал. Так не везло ей с мужиками. – Она посмотрела поверх очков. – Как я сказала, мне было жалко ее.

Мишель не смогла обнаружить у себя даже капли сочувствия.

– Зря она все затеяла. Отель не нуждался в переделке. Он вообще не принадлежал ей. Она не имела права.

– Думаешь, это остановило бы ее?

– Нет.

В голове снова запульсировала боль. В бедре она никуда и не девалась. Мишель следовало бы принять обезболивающее, которое дали ей доктора, но ей не нравилось, как она себя потом чувствует. Чокнутой.

Кстати, какая ирония. Она без проблем разрушала свое здоровье водкой, но отказывалась принимать обезболивающие. Конечно, если разобраться, это противоречие было крупницей по сравнению с хаосом в ее голове. Она чувствовала, что вот-вот превратится в «интересный случай» для какого-нибудь медицинского журнала. Или у нее просто мания величия?

Дамарис поставила перед ней тарелку. Французский тост из коричневого хлеба с сосиской. И рядом ежевика.

– Неужели? – спросила она, рассеянно тыча вилкой в одну из ягод.

– Традиция такая. – Дамарис усмехнулась.

Потому что тут, на Ежевичном острове, к любым блюдам подавалась ежевика. В детстве отец в шутку говорил Мишель, что им еще повезло; было бы хуже, если бы они жили на острове Брокколи или на Шпинатном. Она вспомнила, как смеялась тогда над отцовской шуткой, а потом вздохнула и попыталась вспомнить последний раз, когда что-то показалось ей хоть немножко смешным.

Она отрезала маленький кусочек французского тоста. Края приятно хрустели, корица просвечивала сквозь слой яйца. На языке все смешивалось, подслащенное кленовым сиропом. И сам хлеб, легкий, но сытный, тоже радовал нёбо.

Многие считали, что больше всего запоминаются запахи, а для Мишель это был вкус. Она помнила его, хотя в последний раз ела такой завтрак, как ей казалось, тысячу лет назад. Помнила, где она сидела, о чем они говорили тогда за столом. Дамарис приготовила ей точно такое же блюдо в самое первое утро, когда только что устроилась на работу в отель.

– Боже, какая ты мастерица!

– Уж я-то точно такая, как и была, – засмеялась Дамарис.

Она налила себе кофе, подвинула поближе табурет и стала смотреть, как Мишель завтракает.

Мишель разделалась с французским тостом и взялась за сосиски. Они были такими же, как она помнила; их делали фермеры на севере острова. Напоследок она съела ежевику.

– Ягоды из Чили? – спросила она. На острове они еще не созрели.

Дамарис вытаращила глаза.

– Тсс! Это практически святотатство. Все, что мы подаем, местное.

– Ты такая врушка. Мы разве так говорим?

– Нет, но люди так считают.

– Сейчас лишь первая неделя мая, на улице всего десять градусов. Никто и не поверит, что они местные.

Дамарис шмыгнула носом.

– На том конце острова есть оранжерея.

– Так она размером с эту кухню. Там поместятся два куста, не больше.

– Все равно. – Дамарис отхлебнула кофе. – И что же теперь?

Повариха явно спрашивала не о том, собирается ли Мишель отнести тарелку в раковину.

– Я возвращаюсь к своей прежней упорядоченной жизни. Буду управлять отелем, как когда-то.

– Ты не справишься в одиночку.

Мишель посмотрела на нее. Может, Дамарис слышала про их вчерашний конфликт с Карли?

– Отель стал больше, – продолжала повариха. – Тридцать комнат. На носу лето. Ты сама знаешь, что это такое.

Да, толпы туристов, набитый отель.

Я уволила Карли.

Мишель мысленно произносила эти слова, взвешивала их, наслаждалась удовлетворением, которое они ей доставляли.

Действительность будет другой, подумала она, сжимая кружку. Будет тяжелая работа от зари до зари. С ее больным бедром и физиотерапией, не говоря уж о том, что лестницы станут для нее кошмаром. Дамарис права. Одной ей не справиться.

На самом пороге летнего сезона она просто не найдет себе хорошего помощника. Так что, несмотря на свое огромное желание, она понимала, что увольнять Карли просто глупо.

– Считаешь, я должна ее оставить?

Не нужно было и пояснять, о ком речь.

Дамарис пожала плечами:

– Пока да. Она не хочет уходить. У нее тут дочка. Габби. Между прочим, милая девчушка.

Дамарис всегда была ее союзницей. Мишель импульсивно протянула руку через столешницу из нержавеющей стали и сжала руку поварихи.

– Я скучала по тебе.

– Я тоже скучала.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась темноволосая женщина чуть моложе Мишель. На ней была розовая блузка, заправленная в черные брюки. Волосы были завязаны на затылке.

– Изабелла, иди сюда. Это Мишель. Мишель, это моя невестка. Изабелла замужем за Эриком.

Мишель улыбнулась:

– Так он наконец женился? Просто не верится.

– Четыре года назад, – сообщила Изабелла.

Мишель вспомнила, что Эрик не видел смысла заводить себе подружку. Зачем ограничивать себя одной женщиной? Пару раз он подбивал к ней клинья, один раз даже вытащил пенис. Она тогда впервые взглянула на мужской член, и у нее невольно вырвалось: «Серьезно? Так вот из-за чего все с ума сходят!» Ее восклицание не только остановило его, но и отбило всякую охоту приставать к ней.

– Поздравляю, – сказала она Изабелле, надеясь, что Эрик одумался и стал хорошим мужем.

– Спасибо.

– У них есть ребенок. Маленькая девочка.

– Какая хорошая новость.

Повисло неловкое молчание.

– О'кей. Рада была познакомиться. – Изабелла повернулась к свекрови. – Все посетители ушли. Я закрываю обеденный зал. Вернусь в четверть двенадцатого.

– Ладно, увидимся.

– Пока, – сказала Изабелла и ушла.

– Она тут старшая официантка. Обслуживает завтраки и ланчи, – сказала Дамарис. – Ей так удобно. Она может немного заработать и быть дома с ребенком.

– Хорошо.

Мишель понимала, что ей надо задавать вопрос за вопросом, входить в курс дела. Она вернулась. Но внезапно она поняла, что не может общаться с людьми, хотя это самая простая часть ее работы. Ей хотелось забиться куда-нибудь в маленькую комнатку, где она почувствует себя в безопасности. Где все знакомо.

Она встала и протянула руку к посуде.

– Оставь, – сказала Дамарис. – Я уберу.

Мишель обошла вокруг стола и обняла женщину, которая всегда заботилась о ней.

– Спасибо, – прошептала она и поцеловала Дамарис в макушку.

– Добро пожаловать домой, Мишель. Я так рада, что ты вернулась.

– Я тоже. – Вроде бы.

Она захромала к двери, ведущей в ресторан. Оттуда она пойдет в отель и подумает, что делать дальше.

– Мишель?

Она замерла и оглянулась.

– Я горжусь тобой. – Дамарис улыбнулась.

Мишель почувствовала, как у нее перехватило горло.

– Спасибо.

## Глава 5

Кабинет матери, а теперь ее кабинет, был одним из немногих мест, оставшихся в прежнем виде. Мишель села в старое деревянное кресло и усмехнулась, услышав знакомый протестующий скрип. Кресло было старше ее, его купили на какой-то распродаже офисной мебели много-много лет назад. Как и письменный стол, оно было поцарапанным и старомодным, но вполне исправным.

«Компьютер относительно новый, возможно, за последние десять лет его меняли не один раз», – подумала она, нажимая на кнопку пуска. Хотя у нее в Афгане комп был поновее.

Стену за ее спиной всю до самого потолка занимали книжные полки. На них десятки лет пылились массивные бухгалтерские книги. Запах старой кожи и хрупкой от времени бумаги успокоил ее. Здесь, глядя на акварельный рисунок отеля, каким он был раньше, и на знакомый плетеный коврик под ногами, она почувствовала себя почти дома.

В пятидесятые ее только что поженившиеся дед с бабкой неожиданно получили наследство и сразу купили этот отель. Тут родился и рос отец Мишель, а потом и она сама. Три поколения Сандерсонов оставили свои следы в этом старом доме. Мишель никогда и не собиралась жить где-то еще.

Десять лет назад некоторые чрезвычайные обстоятельства – ну хорошо, чувство вины – заставили ее пойти в армию. Через одиннадцать месяцев ее отправили за

океан, и в конце концов она оказалась в Ираке. Работа в службе снабжения занимала у нее много времени. Она знала, что приносит пользу, и поэтому просилась в командировки еще два раза.

Свой отпуск она проводила в Европе, почти три недели путешествовала по Австралии, видела Великую Китайскую стену. Но вообще-то она была готова к тому, чтобы жить прежней жизнью. Будь ее воля, она больше никогда не уезжала бы с острова.

Переключив внимание на экран, Мишель кликнула на иконку отеля. Компьютер тут же потребовал пароль. Хотя железо и меняли, но софт, скорее всего, оставили прежний. Мишель ввела старый пароль и без проблем открыла сайт отеля, посмотрела бронирования и электронный реестр платежных документов.

Взглянула на даты и нахмурилась. Все записи резко оборвались три месяца назад. Что за...

Смерть ее матери, вот что. Бренда вела бухгалтерский учет. Вероятно, только она пользовалась компьютером и не допускала к нему Карли. Что это означает? Что ни один счет не оплачен? Она помнила, что у Карли много недостатков, но безответственность среди них не числилась.

Она посмотрела на лежавшие на столе бумаги. Стала искать пачку счетов, но вместо этого обнаружила блокнот, а в нем записи, сделанные аккуратным почерком:

17 апреля. Вода. \$237.18

Записи велись три месяца и включали две ежемесячные выплаты по кредиту на разные суммы. Изучая их, Мишель узнала почерк Карли. Значит, она все-таки платила по счетам, но вручную. Почему она не пользовалась компьютером? Не знала как или не считала себя вправе это делать?

Мишель порылась в ящиках и нашла чековую книжку. В глаза бросился почерк матери – неровные каракули, контрастировавшие с мелкими, аккуратными

записями Карли. Мишель глядела на цифры и видела их форму, а не суммы. Она задержала дыхание и приготовилась к неизбежному.

Вдох, выдох, и вот оно.

Глухой стук автомобиля, врезавшегося в скалу. Вина. Она ударяла в нее со всех сторон, заставляя ежиться на стуле. Завтрак превратился в желудке из приятной пищи в нечто тяжелое.

Угрызения совести смешались со стыдом, но эмоции были эфемерными. Потому что она не ладила с матерью, потому что та, другая женщина злилась на нее за вещи, за которые не может отвечать подросток. В глубине души Мишель радовалась, что ее не было тут, когда умирала мать. И понимала, что нехорошо радоваться этому.

Нет, Бренда была не одна. Рядом с ней была Карли, «поистине любимая дочь», как Бренда называла ее в своих редких имейлах. Но ведь Карли не член семьи.

Мишель ясно понимала, что причиной вины была неоднозначность ситуации, но легче ей от этого не становилось.

«Сосредоточься», – приказала она себе. Похмелье проходило, и головная боль осталась лишь фоновым шумом. Кто знает, какие финансовые потрясения пережил отель за десять лет. Нужно покопаться в цифрах и продумать план. Армия была хорошей школой: теперь она классный специалист в логистике.

Она взялась за мышку, но тут зазвонил телефон. Резкий звук прорезал тишину и заставил Мишель вздрогнуть. Сердце тут же учащенно заколотилось, а тело мгновенно покрылось холодным потом. К боли в бедре присоединился страх, ей захотелось нырнуть под стол. Но вместо этого она взяла трубку.

– Сандерсон, – сказала она по давней привычке, хотя скорее процедила сквозь зубы.

– Тут звонок по первой линии. Эллен Сноу из банка «Сбережения и кредиты».

Карли говорила спокойно. Неужели Мишель лишь померещилось, что вчера она уволила ее? Значит, она зря радовалась?

– Ты еще здесь?

– Похоже на то. Ты примешь звонок?

Вместо ответа Мишель ткнула пальцем в горящую кнопку, отключила Карли и перешла на первую линию.

– На связи Мишель Сандерсон. Чем могу быть полезна?

– Мишель, как я рада слышать твой голос. Я Эллен Сноу из банка. Не знаю, помнишь ли ты меня.

Мишель откинулась на спинку кресла.

– Мы учились в одной школе.

– Правильно, – засмеялась Эллен. – Я была на год моложе тебя, а мой брат Майлс – на год старше.

Мишель смутно ее помнила. Блондинка, кажется. Нордический тип. Майлса знали все, Эллен не очень.

– Я помню, – скорее из вежливости ответила она.

– Просто хочу сказать: по-моему, то, что ты делала, замечательно. Ты служила нашей стране. Возможно, это звучит странно, но спасибо тебе.

Мишель открыла рот, но потом закрыла его.

Что на это ответить? Причины, по которым она пошла в армию, были далеки от альтруизма и патриотических мотивов, а теперь она вернулась и хотела наладить нормальную жизнь, сделать вид, будто ничего не случилось. Едва ли ее действия заслуживают таких восторженных слов.

– А-а, не стоит благодарности.

– Ну, раз ты вернулась домой, я полагаю, ты будешь сама управлять отелем?

– Да.

– Хорошо. Как тебе, возможно, известно, наш банк располагает двумя закладными на отель. – Эллиен сменила тон с дружеского на деловой. – Нам нужно поговорить об этом как можно скорее. Тебя устроит десять тридцать?

Вторая закладная? Когда это случилось? Во всяком случае, это объясняет второй ежемесячный платеж, но почему?

Мишель закрыла глаза и увидела новую крышу, расширенный ресторан – и мысленно выругалась. Мать управляла отелем – и вот первый подарочек от нее.

– Сегодня утром в десять тридцать?

– Да, у меня будет в это время окошко.

Как будто у Мишель больше не было никаких дел.

– Я приеду.

– Буду ждать.

\* \* \*

Банк «Сбережения и кредиты» стоял в центре городка. Процветавший в былые времена деловой квартал теперь заняли магазины и рестораны, которыми пользовались чаще туристы, чем местные жители. Фирмы, обслуживавшие местных, были вытеснены из центра. И только кирпичное здание банка с деревянными полами и муралом 1940 года как стояло почти сто лет на своем месте, так и осталось стоять.

Мишель поставила машину возле банка и вошла в стеклянные двери – одну из немногих уступок новым временам.

У входа не было охранника, и, если бы она игнорировала висевшие на стенах камеры, ей могло бы показаться, что она снова перенеслась в свое детство и пришла в банк вместе с отцом.

Перед окошком кассы стояла немолодая женщина. Других посетителей, кажется, не было. Мишель обвела взглядом кабинеты, тянувшиеся вдоль стены, и направилась к деревянной двери со стеклом, на которой было имя Эллен.

Постучалась в приоткрытую дверь.

Эллен подняла голову, улыбнулась и встала.

– Мишель, большое спасибо, что ты пришла. Как дела?

– Спасибо, нормально.

Она зашла в маленький кабинет, изо всех сил стараясь не хромать. В отеле ее футболка и штаны карго казались нормальными, но тут, рядом с Эллен, она почувствовала себя оборванной нищенкой.

Эллен была такой же стройной, как когда-то в школе. Длинные светлые волосы до плеч. Слегка подкрашенные газельи глаза. Жемчуг, вероятно настоящий, поверх светло-зеленой «двойки». Низкие каблуки и черная прямая юбка до колен дополняли образ «я сотрудница банка, мне можно доверять».

Мишель села на предложенное место, пытаясь вспомнить, причесала ли она утром волосы. Душ она приняла, так что была чистой, но ее единственной уступкой в плане ухода была чистка зубов.

– Я так огорчилась, когда узнала о твоей матери, – деликатно сказала Эллен, дождавшись, когда Мишель усядется, потом снова заняла свое место за столом и наклонилась вперед. – Представляю, как тебе было тяжело. Я слышала, что тебя тогда же и ранило. Как несправедлива судьба, верно?

– Да, ты права.

– Утрата близкого человека и ранение. А теперь еще и это. – Она кивнула на тонкую файловую папку, лежавшую перед ней.

– Что ты имеешь в виду?

Мишель разглядывала закрытую папку.

Ее собеседница сжала губы, словно обдумывая свои слова.

– У тебя уже была возможность оценить финансовые дела отеля?

Мишель пожалела, что оставила бутылку водки в мотеле. Иначе она бы сделала глоток прямо сейчас.

– Нет, я только приступила к этому, когда ты позвонила.

– Тогда позволь мне быстро ввести тебя в курс дела. – Она открыла папку. – Я ужасно огорчена, что именно мне приходится говорить тебе об этом. Жаль, что этот разговор нельзя отложить. – Она помолчала.

Мишель показалось, будто что-то ползет по ее коже.

– Говори все как есть.

– Отель в тяжелой ситуации. На мой взгляд, сейчас не время говорить об этом. Я знаю, что ты только что вернулась домой и тебе нужно время осмотреться и войти в курс дела, но у нас все определяет совет по кредитам. Новые правила такие строгие. Раньше у меня было больше влияния. Извини, тут и моя вина тоже.

Возможно, это все недосып. Мишель готова была поклясться, что Эллен только что объяснила ей ситуацию, но она все равно ничего не поняла.

– О чем ты сейчас говоришь?

– О кредитах для отеля. Тут два кредита, и оба просроченные. Боюсь, что речь может идти об аресте собственности.

Мишель вскочила, игнорируя мучительно острую боль в бедре.

– Что? Это невозможно. Как ты вообще можешь говорить об этом?

– Боюсь, что могу, так как это правда. Три последних платежа сделаны вовремя, но они касались только текущих сумм. По обоим кредитам были многомесячные просрочки. Со штрафами и процентами.

Мишель снова села. Боль в бедре растекалась во все стороны, словно лучи солнца. Она прожигала насквозь и не давала сосредоточиться.

– Мы владельцы отеля. Возможно, моя мать взяла кредит, чтобы оплатить ремонт. Но какая там сумма?

Эллен протянула ей листок с двумя непогашенными остатками кредитов. Они составляли почти полмиллиона долларов. Сумма просроченных платежей была почти тридцать тысяч.

Мишель уронила листок на стол и шумно втянула воздух. Это какой-то бред. Невозможно. Даже ее мать не могла быть такой безответственной.

– Думаю, что большая часть денег ушла на перестройку, – осторожно заметила Эллен. – Об умерших не говорят плохо, но Бренда тратила деньги слишком легко. Платежи по первому кредиту часто запаздывали. Когда она обратилась ко мне с просьбой о втором кредите, я даже сомневалась, одобрит ли его комитет. Мне буквально пришлось их уговаривать. – Она вздохнула. – Поэтому я отчасти тоже виновата. Догадываюсь по твоей реакции, что ты ничего не знала об этом.

– Нет. Она ничего мне не говорила. Отель находился в доверительном управлении, пока мне не исполнилось двадцать пять. К тому времени я уехала, и мать продолжала вести дела.

«И довела их до ручки, – с горечью подумала Мишель. – Интересно, сколько денег она потратила на себя. На наряды и украшения. На новые тачки».

Все это просто не укладывалось в голове. Да, увидев перестроенный отель, она подумала, что ей предстоит разбираться с задолженностями. Но не могла и предположить, что все так ужасно.

– Что же теперь будет? – спросила она.

– Зависит от тебя. Твоя семья много лет занималась этим бизнесом. Конечно, тебе будет трудно отказаться от него.

– Я не собираюсь продавать отель.

– У тебя нет выбора, – с сочувствием сказала Эллен. – Ты не сможешь выплатить просрочку. Я знаю, что у Бренды была страховка, но у вас может быть еще и задолженность по налогам. Даже с учетом летнего туристического сезона ты не сможешь погасить все долги. А если ты вбухаешь туда все деньги, как переживешь зиму? Отель – лакомый кусок. Ко мне уже обращались несколько заинтересованных лиц. Ты можешь выручить за него кучу денег, Мишель. Начнешь все заново где-то в другом месте.

– Нет. – Слово вылетело само собой. – Нет, я не буду его продавать. Надо найти какой-то другой выход. У меня есть деньги.

– Полмиллиона долларов?

– Нет, конечно, но разве я не могу взять кредит и потом его выплатить? У меня есть сбережения. Я почти не тратила зарплату, а еще есть бонусы за азиатские командировки.

Она чуть не выложила все, что у нее было, но вовремя удержалась. Ведь могут обнаружиться и другие неотложные счета. Налоги, о которых упомянула Эллен, или задолженность перед поставщиками.

Ей хотелось встать, но она заставила себя сидеть на месте. Она знала: если встанет, то немедленно убежит прочь, чтобы все это осталось позади. И что потом? Все равно придется вернуться. Так что уж лучше покончить с этим сразу.

– К завтрашнему дню я могу заплатить как минимум половину задолженности по кредиту. Может, и больше. Мне надо посмотреть и подумать. – Она наклонилась вперед и посмотрела на Эллен. – Ну что? Ты ведь сама сказала, что я защищала нашу страну. Ведь это тоже надо учитывать.

«Полная фигня, – подумала она. – Но, пожалуй, сейчас это пригодится».

– Я бы с радостью сказала тебе «да». Я целиком на твоей стороне, Мишель. Ты должна мне поверить. Эти новые правила такие ужасные. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но дело не только в деньгах.

– Тогда в чем же?

– В управлении отелем.

– Я буду им управлять.

– Вот этого комитет и боится.

– Что? Я знаю, что делаю. Я много лет работала в отеле. Еще в школе я всем распоряжалась. Сама знаешь, что я никогда не ходила куда-нибудь с подружками и не занималась спортом. После школы я работала в отеле с утра до вечера. – Мишель вся кипела от такой несправедливости, ей хотелось швырнуть что-нибудь в стенку. – Черт побери, да у меня степень по управлению отелем. Я знаю, что надо делать.

– Конечно, конечно, я полностью согласна с тобой. – Эллен кивнула. – Я помню, что ты всегда работала еще в школьные годы. – Ее рот скривился в улыбке. – Моя мать всегда приводила тебя в пример нам с Майлсом. Какая ты серьезная и ответственная, а мы нет. Это было чуточку неприятно.

– Тогда почему это не учитывается?

– Мишель, я все понимаю. Но вот комитет считает по-другому. Бренда приезжала на ежеквартальные заседания. Она хвалила Карли. Мол, та прекрасно справляется с делами, отель не выживет без нее. К сожалению, ей поверили. После смерти твоей матери Карли регулярно оплачивала кредиты.

«Удар за ударом», – с горечью подумала Мишель.

– Так ты говоришь, что они доверяют Карли, а не мне? Но ведь она даже не может пользоваться компьютером. Она... – Мишель проглотила остаток фразы, которую хотела сказать. Ругаться было бесполезно.

– Я знаю, что у вас с Карли было трудное прошлое.

Трудное – не то слово.

– Значит, комитет, кто там в него входит, мне не доверяет, но, если отелем будет управлять Карли, у меня появится шанс сохранить его?

– К сожалению, да. – Эллен кивнула. – Я чувствую, что ты не хочешь его продавать. Они мне не верят, но они не местные. Я считаю тебя подругой. Меньше всего я хочу, чтобы схлопнулся еще один местный бизнес. Мне надоело смотреть, как вокруг хозяйничают приезжие. На прошлой неделе я хлопотала за ваш отель, и они согласились вот на такие уступки.

Она протянула Мишель еще один листок.

Список был коротким. Задолженности по платежам следовало погасить в течение шестидесяти дней. Все расчеты с поставщиками должны быть представлены к концу месяца. Отель должен заполняться летом как минимум на восемьдесят пять процентов, пройти все проверки и вовремя выплачивать все кредиты. Последний пункт отзывался острой болью в бедре.

Карли Уильямс должна остаться в отеле минимум на два года.

– Я так сочувствую тебе, – сказала Эллен. – Но это все, что я смогла сделать. Я знаю, как ты к ней относишься. Должна признаться, я тоже от нее не в восторге. Она воспользовалась тем, что ты уехала, и охмурила твою мать. Она даже носит ее ювелирку. Это просто кошмар.

Десять лет армейской службы научили Мишель выполнять приказы, какими бы они ни были нелепыми. Она могла бы спорить, орать, но раз у нее в кармане не лежал лотерейный билет на полмиллиона долларов, все это было бесполезно.

– Я не откажусь от отеля, – заявила она. – Мой отец, возможно, и был последним ублюдком, но он оставил его мне, и я намерена его сохранить. Так что я сделаю все, что нужно.

– У тебя есть несколько дней на размышления, – сказала Эллен. – Я знаю несколько человек, которые хотят купить отель.

– Я даже не хочу об этом думать. Я все сделаю. Выполню все условия.

– И ты даже согласна работать с Карли?

– Конечно.

– Это будет трудно.

– Ты даже не представляешь насколько.

## Глава 6

Маленький сувенирный магазинчик при отеле был любимым местом Карли. Его построили почти два года назад, и постепенно здесь появились постоянные покупатели. Большие окна пропускали много света даже в самые пасмурные дни, а сделанные на заказ полки и стеллажи позволяли разместить сколько угодно товара.

В основном там продавались островные сувениры, обычный китч: магнитики, кружки и брелоки с мотивами острова – ежевикой и ромашками. Но еще была секция с работами местных художников, видовыми фотографиями, книгами по истории острова и коллекцией уникального фарфора. Бренда, кроме того, настояла на коллекции кукол, что Карли не нравилось.

Утром здесь было почти пусто, но к ланчу клиенты пойдут в ресторан, может, и сюда заглянут. А пока что Карли вытирала пыль, проверяла наличие товара и счета. Обычно, отправив Габби в школу, она хозяйничала за стойкой регистрации, здоровалась с гостями и отдавала приказы персоналу. Ближе к

полудню возвращалась туда, чтобы принять новых гостей отеля, разобраться с почтой и поговорить с поставщиками. Но несколько раз в неделю она проводила пару часов в сувенирной лавке и отдыхала душой.

Сегодня она прошлась по залу, останавливалась и гладила любимые вещицы, понимая, что, возможно, скоро попрощается с ними. Будто бы по ней будет скучать вырезанная из дерева косатка, запечатленная в прыжке среди волн.

Открылась дверь, звякнул колокольчик. Она оглянулась и увидела Леонарда Дэниелса.

– Привет, Карли.

– Доброе утро, Леонард.

Леонард, орнитолог, специализировавшийся на журавлях Пьюджет-Саунда, жил в отеле и оплачивал проживание грантом. У них вообще нередко останавливались одновременно двое-трое научных работников.

Высокий и худой, в очках с темной оправой и с бледной, несмотря на долгое пребывание на воздухе, кожей, Леонард был воплощением фразы «чудаковатый ученый». Он любил хаки и шотландку, носил бинокль на шее и маленький нетбук под мышкой.

На этот раз его походка была энергичнее обычного.

– У нас яйца.

Она была достаточно осведомлена и поняла, что речь идет не о продуктах к завтраку.

– Уже?

Он кивнул.

– Два я нашел в первом гнезде и одно – в другом. За неделю я собрал достаточно информации для определения потенциальной популяции птенцов. – В его

темных глазах светился восторг. – Надеюсь, это будет третий год прироста. И мы наконец сможем убрать журавлей из списка видов, которым грозит исчезновение.

Он замолчал, словно ожидая, что она разделит его радость.

– Это просто замечательно, Леонард.

– Я знаю. Нам надо отпраздновать это событие.

– Но сейчас как-то рановато.

Он поправил очки, потом взглянул на свои часы.

– О, верно. О'кей. Пойду еще поработаю.

И вышел из магазина.

Она глядела ему вслед, надеясь, что он не попытается изменить природу их отношений. Он приносил доход отелю, и она всегда была с ним приветлива, но сейчас ей меньше всего был нужен мужчина. С мужчинами всегда приходят неприятности. Она поняла это не сразу, но теперь уж не забудет этот урок.

С тех пор как Аллен ее бросил, у нее никого не было. Целых десять лет. Конечно, горячий секс с парнем – это классно, но стресс ей сейчас ни к чему.

Она вернулась к мысленной инвентаризации, но тут появилась Венди, официантка. Венди работала в ресторане в утреннюю смену. У нее было трое детей и муж, работавший по ночам. Вернувшись домой, он отвозил детей в школу и весь день спал. Вечера они проводили вместе, потом он уезжал на работу, а она ложилась спать.

Венди была надежной сотрудницей и хорошо ладила с гостями, поэтому Карли никак не хотела ее терять.

– Что случилось? – спросила она.

Венди поморщилась.

– Дамарис наорала на меня утром, но это ладно, я стерплю, только она нагрубела и гостю, и мне это не нравится. Господи, что с ней творится? Снова у нее капризы. Тот парень заказал омлет из яичных белков. Она ответила, что не выполняет спецзаказы. А когда он сказал, что это из-за сердца, она заявила ему, что не виновата, что он такой жирный.

Карли даже рот раскрыла.

– Ты шутишь? Пожалуйста, скажи, что ты пошутила.

– Ох, если бы! Почти всегда Дамарис нормальная, но периодически у нее начинаются капризы, и она вымещает зло на гостях. Ты поговоришь с ней?

Карли хотелось сказать «нет». С такими вещами справлялась Бренда. Та действительно умела говорить с Дамарис. Что до Карли, то она давным-давно избавилась бы от темпераментной поварихи. Это она собиралась сделать чуть ли не сразу, как только получит долю в отеле. Но теперь она даже не была уверена, есть ли у нее работа, что уж говорить об остальном.

– Я поговорю с ней, – ответила она, понимая, чего ждет от нее Венди.

– Спасибо. Я иду домой. Всего доброго.

– И тебе тоже.

Около часа Карли тревожилась и переживала; потом в магазинчик на работу пришла Энн. Еще не зная, что говорить, Карли прошла через отель в кухню ресторана. Дамарис сидела на табурете, прижав к уху телефон. При виде Карли она нахмурилась и сказала, что заканчивает разговор.

– Знаешь, он здоровенный, жирный парень. Ты думаешь, один омлет из яичных белков что-нибудь изменит?

«Что за глупости», – подумала Карли.

– Он наш клиент.

– Клиенты не всегда правы. Чаще всего они даже не знают, чего хотят. Я приготовила тот омлет. Не хотела, но приготовила.

– Твоя работа – готовить им пищу. Критика и грубость не помогут нашему бизнесу.

– Нашему бизнесу? – Дамарис подняла брови. – Это бизнес Мишель, а не твой.

– Я говорю как сотрудница. Мы обязаны стараться изо всех сил. За это нам платят деньги. – Карли почувствовала, как запылали щеки. Она никогда не умела скрывать свое огорчение. – Думаешь, Мишель будет довольна твоим поведением? Обрадуется, когда узнает о случившемся?

Дамарис слезла с табурета и шагнула к Карли. Повариха была ниже на пять дюймов, но гораздо шире – и вспыльчивее.

– Не учи меня, как мне работать. Я готовила блюда, когда ты еще и не родилась. Мишель вернулась. Как считаешь, сколько еще она будет терпеть тебя в отеле?

«Еще меньше, чем тебе кажется», – с горечью подумала Карли, понимая, что она лишилась власти и у нее слабая позиция.

– Ты поступила неправильно и сама это понимаешь. И не только потому что плохо обслужила клиента, но и потому что это просто грубо. Можешь думать обо мне что угодно, но такие вещи не помогают бизнесу. Вот ты заявляешь, что заботаешься о Мишель, и при этом вредишь ей своими поступками.

– Да что ты говоришь? – усмехнулась Дамарис. – Как думаешь, кто из нас останется здесь к концу дня? Я или ты?

Карли не стала отвечать. Она повернулась и вышла из кухни.

Ее терзали разочарование и обида. Злость грозила выплеснуться наружу. Может, ей нужно сделать первый шаг и уволиться? Начать все заново в другом месте? Жить настоящей жизнью, не зависеть от сил, которые она не может

контролировать, и от людей, которые ей лгут. Таких, как Бренда.

На мгновение она остановилась в холле. Нужно было успокоиться и взять себя в руки.

– Почему ты так поступила? – спросила она вслух, не рассчитывая получить ответ. Карли не слишком верила, что умершие могут являться с того света и говорить с тобой, но если бы и могли, она сомневалась, что Бренда соизволила бы это сделать.

Бренда ее просто использовала. Иногда она проявляла сочувствие и даже доброту. Но в конечном счете думала только о себе. Теперь Карли осталась ни с чем. Она старательно откладывала средства на черный день и накопила тысячу шестьсот долларов. Этого едва хватит на задаток за маленькую квартиру, не говоря уже об аренде. И придется на что-то жить, пока она будет искать работу. Она сомневалась, что Мишель уволит ее, а потом даст рекомендацию. Значит, рассчитывать на приличное место будет очень сложно.

Что остается? Бездомное существование? Жизнь на пособие?

Слезы жгли ей глаза. Но она втянула в себя воздух и сказала себе, что не будет плакать. Не время. Может, впереди ее ждет еще более суровый кризис.

Она расправила плечи. Ничего, она все выдержит. Бывало и хуже. Она сильная, умеет хорошо работать, и у нее есть Габби. К тому же мороженое продавалось с большой скидкой, и она купила целую кварту. Если понадобится, она устроит себе потом в утешение сладкий вечер.

Она вошла в вестибюль отеля и увидела возле окна немолодую супружескую пару. Этих людей она не знала и решила, что они хотят поселиться в отеле. У нее были свободные номера, целых три. Самый большой – с балконом и прекрасным видом.

– Добрый день, – сказала она с улыбкой. – Я могу вам чем-то помочь?

Супруги были одеты просто, но дорого. Похоже, это островной шик, а не стиль туристов из больших городов. Он был высокий, она не слишком, и оба

спортивные, загорелые и светловолосые.

Они повернулись к ней.

– Я Сет Фарли, – представился мужчина. – Это моя супруга Полин. У вас найдется минутка? Мы можем поговорить где-нибудь приватно?

Они не походили на рекламных агентов или поставщиков. Карли старательно оплачивала все счета отеля, так что они приехали не за деньгами. На адвокатов тоже не похожи.

– Конечно. Давайте поговорим вот здесь.

«Здесь» – в маленькой комнате для переговоров, где Карли беседовала с представителями бизнеса.

Они сели за большой стол, и Карли предложила гостям кофе.

– Нет, спасибо, – поблагодарил ее Сет. – Я перейду сразу к сути вопроса. Мы с женой психологи. У нас практика почти двадцать пять лет. Мы создали программу для супружеских пар, которые хотят улучшить свои отношения. Не буду сейчас вдаваться в детали, но мы работаем по три дня одновременно с двумя или тремя парами. Наши занятия до сих пор проходили в Сиэтле, но сейчас мы подумали, что занятия за городом, возможно, помогут парам более полно погрузиться в терапию. Мы осмотрели несколько мест, и ваш отель заинтересовал нас.

– О! – Карли повеселела. Постоянные клиенты никогда не помешают. – Правда, у нас только одна комната для переговоров, не то что в больших отелях.

– Нам не требуется место для самих семинаров, – пояснила Полин. – Об этом мы уже позаботились. Мы ищем отель, где будут жить наши клиенты. Три комнаты со вторника до четверга с середины мая и до конца сентября.

Лето – самая горячая пора, подумала Карли. Если в выходные отель всегда полон, то в середине недели комнаты часто пустуют. Гарантированное бронирование на много недель перед – просто подарок.

– Я проверю, есть ли у нас места, – ответила она, спохватившись. – И поговорю с собственником.

Сет удивленно поднял брови.

– Я думал, вы одна из них.

Я тоже так думала.

– Нет, – весело ответила она. – Но я работаю тут десять лет и не сомневаюсь, что вашим клиентам понравится у нас. Пожалуйста, оставьте мне ваши данные и номер телефона. Я проверю наличие свободных номеров и поговорю с хозяйкой. А в конце недели свяжусь с вами. Что думаете?

– Превосходно.

## Глава 7

Мишель сидела за столом, положив пальцы на клавиатуру. Нет, конечно, она знала, как открыть программы; просто ей не хотелось этого делать.

Ситуация была хреновая. Иногда Мишель гадала, каково это – быть человеком, который может просто все бросить и преспокойно отбыть в голубую даль. Жить с другим характером, плюнуть на все, не переживать. Вот только пофигизм не решил бы проблему. Это ее отель. Мысли о нем поддерживали ее в опасных командировках. Мысли о том, что она вернется домой. А если в доме полный бардак – все исправит и наведет порядок.

Пальцы забегали по клавишам; она сосредоточенно собирала информацию. Мишель привыкла к электронным таблицам, графикам и схемам. В армии она занималась поставками продовольствия. Решала, что заказать, и направляла заказанный провиант по точкам. Выправить финансовое положение отеля – мелочь по сравнению с той логистикой: ей приходилось размещать и кормить тысячи солдат на другой стороне земного шара.

Она быстро просмотрела налоговые декларации за предыдущий год и поморщилась: одни убытки. Конечно, платить меньше налогов на вполне законных основаниях классно, но у Мишель сжалось сердце, когда она увидела, сколько денег потерял отель. Единственным утешением было то, что убытки означали меньшую просроченную задолженность по налогам.

Мишель распечатала налоговые декларации и перешла к другим вещам. Чековый реестр. Ожидаемые поступления и платежи. Она обнаружила, что за эти десять лет, пока Мишель отсутствовала, мать приобрела не одну, не две, а целых три новые машины. Последняя, BMW Convertible стоимостью за семьдесят с лишним тысяч баксов, была изъята.

Порывшись в ящиках стола, Мишель обнаружила под коробками со скрепками неоплаченные счета. Потом добавила аккуратный лист платежей, написанный рукой Карли.

Создав новую электронную таблицу, она стала вносить информацию – что поступало и что тратилось. Она подвела баланс чековой книжки, потом повторила процедуру, потому что цифры вызвали у нее сомнения. Взглянула на бронирование и увидела, что оно много недель даже не приближалось к тем процентам, которые требовал банк.

Через два часа она встала и, хромая, медленно прошла по кабинету. Кровообращение восстановилось, и это вызвало боль в бедре. Оттуда она разливалась по всему телу. Но душа болела еще сильнее.

Мишель всегда была папиной дочкой. Даже в раннем детстве она знала, что отец любит ее больше, чем Бренду. Она принимала его любовь, его обожание и понимала, что только он стоит между ней и матерью. А Бренда в лучшем случае была к ней равнодушна, но часто злилась на нее и критиковала.

Иногда Мишель задумывалась, не обижало ли это Бренду. И не вымещала ли Бренда свою обиду на дочери. Невозможно было понять, насколько поступки матери были результатом обстоятельств, а насколько их диктовал ее сволочный характер.

Мишель не помнила, когда она впервые узнала, что отцу пришлось жениться на матери. Она родилась через семь месяцев после свадьбы. Если Мишель с отцом

любили их отель, любили остров, то Бренда чувствовала себя здесь словно в ловушке. Никаких поездок в Европу – отель ведь надолго не оставишь. Никакого летнего отпуска – это самая запарка. Никаких поездок в выходные. Отель отнимал все время.

Мать кричала, что Мишель с отцом – эгоисты и думают только о себе. Семилетняя Мишель была маленькой, но решительной спорщицей: «Если мы такие эгоисты, тогда почему ты всегда делаешь все по-своему?»

На этот вопрос у матери никогда не находилось ответа.

Когда муж бросил Бренду, она страшно оскорбилась, но по нему не скучала. Он бросил их обеих – и Мишель была просто убита. Его дезертирство не только доказало, что он не любил ее больше всего в жизни, но и оставило ее во власти матери.

В то время Мишель ожидала, что мать тоже сбежит с острова, но Бренда не сбежала. Вместо этого уехала сама Мишель. Глядя теперь на финансовую математику, свое наследство, она подумала, что Бренда по-своему одержала над ней верх: неудачное решение там, нелепая покупка тут... По отдельности они казались случайными, но все вместе стали катастрофой.

Она посмотрела отчеты о заработной плате. В «Боинге» меньше obsługi, чем у них. В отеле всего тридцать номеров, но семь горничных. И какого черта держать сотрудницу, приветствующую гостей на стойке регистрации? Непонятно, почему одним Бренда платила слишком много, а другим недостаточно. Дамарис не получала прибавку уже шесть лет. Это плохо. Но у Карли финансовая ситуация была еще хуже.

Мишель смотрела на чек за полмесяца. Карли не платила за комнаты и получала два раза в день бесплатную еду, но даже при этом ее жалование нельзя было назвать хотя бы минимальным. У нее ребенок. Медстраховку Бренда зажала. Значит, Карли приходилось платить за это из своего кармана, не говоря уж про одежду, обувь и все прочее для ребенка.

Мишель понимала, что ей нужно радоваться, раз эта женщина живет практически в нищете, но на деле испытывала смущение и, пожалуй, даже некоторую вину.

Ей хотелось обвинить во всем мать. Та получила отель в доверительное управление и должна была заботиться о нем. Но Мишель понимала, что виновата она сама. Это она уехала, долго не возвращалась и никогда не требовала отчета. И вот теперь получила две закладные, угрозу ареста собственности за неуплату долгов и список предписаний и требований, от которых у нее ползли по спине мурашки.

В дверь постучали.

– Войдите, – рявкнула она, не поднимая головы.

– Ты орешь так, как будто до сих пор в армии.

В кабинет вошла Дамарис. В руке повариха держала поднос.

– Я принесла тебе ланч. Не думаю, что ты сама вспомнишь о нем.

Мишель взглянула на часы и с удивлением обнаружила, что уже почти три.

– Ты всегда так задерживаешься?

– Иногда да. Иногда нет. – Повариха поставила поднос на стол, потом села на стул. – Мне нужно было заказать мясо и продукты.

– Когда ты обычно уходишь домой?

– Ну, в два или полтретьего. – Дамарис пожала плечами.

Мишель мысленно посчитала. Она знала, что Дамарис приходит в ресторан к шести утра. Они открываются в семь, и потом она готовит ланч.

– После моего отъезда ты ни разу не получала прибавку.

– Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

У Мишель зашевелилось подозрение, что мать делала так нарочно, пытаясь разорить отель. Ей хотелось спросить об этом Дамарис, но она сомневалась, что та сможет ей ответить.

– Я прибавлю тебе жалование. За три месяца. – Она назвала сумму. – Так будет лучше?

Дамарис кивнула.

– Ты всегда была хорошей девочкой. И ты ни в чем не виновата.

– Ты о чем? Об отеле?

– Я слышу, что говорят люди. Они не получают зарплату. Чеки не обналичить, потому что на счете отеля недостаточно средств. Но тебя никто не винит.

Мишель взглянула на поднос. Дамарис приготовила для нее сэндвич с ростбифом. Ее любимый. Еще там лежали чипсы, немного салата и молочно-шоколадный коктейль.

Она зачерпнула полную ложку взбитых сливок.

– Спасибо.

– Кто-то ведь должен заботиться о тебе. Ты кожа да кости. Ни один мужчина на тебя не посмотрит.

Впервые после возвращения домой Мишель рассмеялась:

– Не думаю, что мужчины сейчас моя самая большая проблема.

– Мужчина может тебе помочь.

Мишель подумала, что для начала ей бы помогла ночь без кошмаров, чтобы не просыпаться в холодном поту, но ничего не сказала. Такие слова лишь испугают Дамарис.

Повариха ткнула пальцем в разложенные на столе бумаги.

– Что, все плохо?

– Я пока еще не поняла. – Мишель сунула соломинку в молочный коктейль. – Как ты думаешь, моя мать нарочно довела все до такого состояния?

– Не знаю. Она была не из тех, кто придерживается плана. Думаю, это, скорее всего, вышло само собой.

– А что Карли? Она приносила пользу отелю или нет?

Дамарис пожала плечами:

– Я ужасно не люблю ее, но не думаю, что она делала что-либо во вред.

Не совсем то, что надеялась услышать Мишель. Низкое жалованье Карли вызвало у нее подозрения, а давний конфликт – желание указать ей на дверь. Договориться с банком было непросто, но еще убедительнее был тот факт, что Карли даже не умела работать на компьютере. Ее аккуратные записи это подтверждали.

Если Карли не тырила деньги, значит, все это дело рук Бренды.

– Карли давно тут работает? – спросила Мишель.

– Практически с твоего отъезда. Она появилась неожиданно. Беременная. Бренда дала ей одну из комнат. Когда родилась Габби, она перебралась в хозяйские апартаменты, а Бренда заняла две спальни на втором этаже.

Мишель хотелось спросить, что случилось с Алленом. Раз Карли была беременной и одинокой, то он, вероятно, слинял. Но почему?

– Постояльцам она нравится, – проворчала Дамарис. – Она хорошо ладит с ними, но для меня она не босс.

Мишель усмехнулась:

– А ты кто тогда? Генерал?

Дамарис засмеялась, но тут же помрачнела:

– Ты собираешься ее уволить?

«Если бы мои желания что-то значили», – подумала Мишель.

– Не сегодня.

– Но скоро?

– Тебе так хочется, чтобы она ушла отсюда?

– Мне неприятно, что она строит из себя босса.

– Теперь я твой босс.

– Хорошо. Мне это нравится. – Дамарис встала и обошла вокруг стола. – Обними меня. Я иду домой.

Мишель встала и тут же поморщилась: ее ожгло огнем, и она едва не потеряла равновесие.

– Что случилось?

– Ничего. Мое бедро.

– Разве у тебя нет никаких обезболивающих?

– Мне как-то не хочется. – Лучше уж она выпьет.

Дамарис уперлась руками в бедра.

– Ты всегда была упрямой. Это у тебя от твоего отца. Прими что-нибудь. Я подожду.

Решимость сверкала за стеклами ее очков, и Мишель поняла, что ей не победить в этой битве характеров. К тому же, когда она вернется в свой номер в мотеле, действие пилюли закончится и она сможет выпить столько, сколько захочет.

– Ладно, – пробормотала она, затем протянула руку к рюкзаку. Вытащила флакончик и проглотила пилюлю. – Довольна?

– Конечно.

Мишель «промариновала» Карли два дня. Они хотя и работали в одном здании, но, казалось, наловчились избегать друг друга.

Карли то думала собирать вещи, то молилась, чтобы Мишель позволила ей остаться. При этом она делала вид, что все в порядке, и Габби, вероятно, даже не замечала тревогу матери.

Энн договорилась с ней, что придет в четверг позже, и Карли заменила ее в сувенирной лавке на время ланча. Несколько посетителей смотрели книги; девочка-подросток с матерью вздыхали над куклами. Карли постучала по чайнику, проверяя, нет ли в нем трещин, и завернула его.

– Надеюсь, он понравится вашему другу, – сказала она, отдавая его женщине средних лет. – Он красивый.

– Я тоже так думаю, – ответила покупательница. – Приятного вам дня.

Карли помахала ей, повернулась и чуть не врезалась в Мишель – та незаметно вошла в лавку. Она тут же отскочила назад и оперлась о прилавок, чтобы не упасть.

– У тебя найдется минута? – спросила Мишель.

Карли оглянулась на покупателей.

– Я не должна оставлять их одних.

Мишель кивнула на нишу возле подсобки.

– Давай сядем там?

Карли кивнула. Из ниши был виден кассовый аппарат, и она заметит, если кто-то из посетителей захочет заплатить за покупку.

Она направилась к подсобке. Мишель шла медленнее, неровной походкой; вероятно, бедро ее беспокоило. Карли хотела спросить ее о самочувствии, но не стала. Насколько она понимала, ее вот-вот уволят. Снова. Проявлять сочувствие перед лицом этого означало потерять ту крупицу силы, которая в ней осталась.

Она еще не решила: то ли просить, чтобы Мишель ее оставила, то ли с достоинством принять свою участь. Два вечера она сидела над своим банковским балансом, но это не обеспечило ей надежный тыл, а в газетах Сиэтла не оказалось приемлемых предложений работы.

Прислонившись к дверному косяку, Карли заметила, что Мишель выглядела еще более усталой, чем в день приезда. Вокруг ее рта залегли морщины усталости и боли, под глазами темные круги, а кожа приобрела серый цвет. Длинные волосы висели сосульками, брюки карго едва не спадали с тощих бедер.

Мишель схватилась за стену.

– Может, ты сядешь? – спросила Карли и тут же рассердилась на себя за такой вопрос.

– Все нормально. – Мишель тряхнула головой.

О ней можно было бы сказать много всего, но слово «нормально» там бы не фигурировало. Карли напомнила себе: сейчас не время думать о том, что когда-то Мишель была ее лучшей в мире подругой. Что они росли вместе и дружили, пока их не разлучило безобразное происшествие. Но ей все же хотелось поговорить с бывшей подругой обо всем, что с ними было, найти какие-то компромиссы. Залечить старые язвы и получить какой-то позитив, подумала она

с тоской.

– Ты не тырила.

Мишель объявила это буднично, будто говорила о погоде. У Карли дернулась голова, словно от пощечины. Все теплые чувства испарились, их сменили злость и мысли о том, что она полная идиотка, раз ожидала чего-то близкого к дружбе от сидевшей перед ней женщины.

– Я подозревала тебя, но поняла, что ошиблась, – продолжала Мишель. – Я просмотрела все банковские выписки и лицевые счета за последние три года и не нашла ничего подозрительного.

Если бы у Карли была хоть малейшая надежда прожить без этой работы, она бы немедленно встала и ушла. Просто повернулась бы и исчезла в голубой дали, возможно, двинув перед этим Мишель по роже.

– Какая жалость, – фыркнула Карли. – Конечно, если бы я оказалась воровкой, тебя бы это порадовало.

– Радости мне не хватает, ты права. Я разочарована. Я бы с удовольствием тебя уволила.

– Но ты и так меня уволила.

– А ты не ушла.

– Я не была уверена, что ты сказала это всерьез. – Карли ненавидела признавать правду.

– Я хотела этого, – резко сказала Мишель. – Но не могу себе позволить такую роскошь.

– Как это понимать?

Мишель внимательно посмотрела на нее.

– Как хочешь, так и понимай.

– Ладно.

– Не знаю, почему я должна тебе доверять.

– Если речь идет об отеле, ты можешь на меня положиться. Я проработала тут почти десять лет. И по-своему люблю это место. Если этого тебе недостаточно, добавлю, что я не ворую. Это тоже чего-то стоит.

Мишель вскинула брови:

– То есть вот твоя позиция?

– Я это заслужила.

Мишель на секунду закрыла свои зеленые глаза, потом открыла. В них мелькали эмоции. Она думала о чем-то – явно невеселом.

– Отель на пороге катастрофы. Финансовой. Мы идем ко дну. Два дня назад я была в банке. Все очень плохо.

Карли немного подумала.

– Ничего не понимаю. У нас была очень благополучная зима. Много постояльцев, с учетом сезона. Когда я оплачивала счета, в банке были деньги.

– Их недостаточно. Два кредита подточили бюджет. Десять лет назад не было ни одного. – Мишель сказала это резко, словно ножом полоснула.

– Ремонт, – еле слышно проговорила Карли, понимая, что он стоил целое состояние.

– Ты подтолкнула на это мою мать.

– Что? Нет. Это была ее идея. Мы стали чинить крышу, а за крышей последовали по нарастающей и другие планы. – В основном потому, что Бренда закрутила любовь с подрядчиком. Она придумывала все новые заказы, чтобы удержать его.

– Конечно. Ты все спихиваешь на покойницу.

Карли выпрямилась.

– Можешь сколько угодно переписывать историю, но факты остаются фактами, – сказала она и скрестила на груди руки. – Ремонт затеяла твоя мать. Это она захотела построить сувенирную лавку и расширить ресторан. Если тебе нужны доказательства, могу показать документы. Она делала наброски, писала комментарии. Это были ее идеи. На ее месте я бы потратила деньги на ремонт ванных комнат.

Заметив, что покупатели подошли ближе к ним, она понизила голос.

– Если бы ты сооблаговолила хоть раз приехать сюда, ты бы увидела это сама.

– Не грузи меня этим, – отрезала Мишель. – Поверь, со мной лучше не драться. Я не такая, как когда-то. Я раздавлю тебя как муху.

Несмотря на напряженность между ними и серьезность момента, Карли рассмеялась.

– Да что ты говоришь? Ты угрожаешь мне физически? Ты служила в армии, а не в ЦРУ. Ты не можешь убить меня спичечным коробком, так что успокойся. Ходишь не быстрее девяностолетней старухи, и у тебя явно все болит. Но это так в твоём духе. Делать не думая. Ты все такая же импульсивная.

– А ты по-прежнему меня достаешь.

– Сука.

– От суки слышу. – Уголок рта Мишель дернулся, словно она сдерживала улыбку.

В эту наносекунду Карли ощутила прежнюю связь между ними. Но на лицо Мишель тут же вернулась прежняя жесткость.

– Я все-таки считаю тебя виноватой. Мы с тобой враги.

– Если это позволит тебе спокойно спать по ночам, считай как угодно. Я мать-одиночка с девятилетней дочкой, на моем счету в банке тысяча шестьсот долларов. Осложнить мне жизнь легко. Если тебе это нужно для того, чтобы почувствовать собственную важность, я не смогу тебя остановить.

У Мишель сжались челюсти.

– Тогда в твоих интересах держать при себе то, что я сейчас скажу.

– Ладно.

Мишель отвела взгляд. На секунду у нее поникли плечи, будто она почти сдалась. Карли ждала, не понимая, то ли это реальное проявление слабости, то ли притворство, чтобы обмануть ее. Мгновение прошло, прежде чем она успела это понять, и она затаила дыхание.

– Финансовая ситуация отеля просто отчаянная, – начала Мишель и рассказала о просроченных платежах по кредитам и угрозе ареста собственности за неуплату долгов.

«Вот и новая причина не спать по ночам», – мрачно подумала Карли. Новость ужаснула ее, но все-таки не слишком удивила.

– Она никогда не говорила ни слова. Даже не намекала. Четыре месяца назад мы смотрели каталоги французского постельного белья.

– Надеюсь, вы ничего не заказали? – спросила Мишель.

– Нет. Но могли. – Карли обвела глазами сувенирную лавку. – Как только она могла так поступать? Какая безответственность! Я просто удивляюсь. Это так на нее похоже. Так похоже.

К удивлению и покорности судьбе присоединился гнев. Гнев на Бренду. Казалось, она так любила Габби, а девочка по ее вине оказалась в такой ситуации.

Карли с Брендой так часто говорили о будущем. Как Карли станет партнером и обретет финансовую стабильность. Отель не сделает ее богатой, однако у нее будут лежать деньги в банке, она накопит на колледж для Габби и раз в шесть-семь лет сможет себе позволить покупку автомобиля с пробегом, но в приличном состоянии.

– Я заботилась о ней, – пробормотала Карли скорее для себя. – Я была рядом, когда она заболела. – Она взглянула на Мишель. – Я была рядом, когда она умирала.

Как и ожидалось, в лице Мишель ничего не дрогнуло.

– Она наколола нас обеих. Ты хочешь сохранить работу?

– Да.

– А я хочу сохранить отель. Банк выдвинул условия. Погасить актуальные платежи по кредитам. Летом отель должен заполняться больше чем на восемьдесят пять процентов. То есть двадцать шесть номеров в любую неделю. – Мишель замялась. – И еще одно условие. Они хотят, чтобы ты продолжала работать.

Смысл сказанного медленно дошел до Карли.

– И ты не можешь меня уволить?

– Довольна?

– Я заслужила это.

– Какого дьявола ты заслужила? Стоило мне уехать, как ты пролезла сюда, охмурила мою мать и высосала досуха отель.

Карли сердито сверкнула глазами.

– Ты говоришь чушь и сама это понимаешь. Я никуда не пролезала. Я работала тут практически бесплатно по десять-двенадцать часов в день. Заботилась обо всех гостях. При мне повторное бронирование выросло на шестьдесят процентов. Думаешь, люди возвращались к нам из-за твоей матери? Нет, благодаря мне.

– Ты не святая.

Карли нахмурилась:

– Я была здесь и работала не покладая рук. В отличие от тебя.

У Мишель вспыхнули щеки.

– Я защищала нашу страну. Получила ранение.

– Ты пряталась. Тебе не хватало храбрости вернуться сюда. Ты держалась подальше от отеля, потому что так было проще.

– А что же ты? – спросила Мишель, не опровергая слов Карли. – Если все было так тяжело, если тебе приходилось столько работать, почему ты не уволилась?

– Потому что она обещала мне, что я получу долю в отеле. Что я заработала право на это.

Несколько секунд Мишель пристально смотрела на нее.

– Она не могла тебе это дать, – спокойно сказала она.

– Об этом я узнала совсем недавно. – И эта ложь просто ошеломила ее.

– Ведь я говорила тебе, что отель мой. Давно. Когда мы были детьми.

– Я думала, что ты просто хвасталась.

– Может, если бы ты поверила мне, ничего этого не случилось бы.

– Что ты хочешь этим сказать? – рассердилась Карли. – Что отель попал в тяжелое положение по моей вине? Ты меня не слушаешь.

Звякнул дверной колокольчик. Она повернулась и увидела, что все ушли, так ничего и не купив в это утро.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – сказала ей Мишель. – Мы заключим контракт. Это даст тебе гарантии.

Карли была только «за».

– Я хочу остаться в той же квартире. Это единственный дом, какой знает Габби.

– Хорошо. – Мишель скривила губы.

Карли отчаянно хотелось потребовать еще и прибавку, но раз отель был в таком тяжелом положении, что Мишель была вынуждена оставить ее на какое-то время, о дополнительных деньгах не могло быть и речи. Но все равно теперь она начнет копить еще усерднее и заранее продумает план действий. Когда контракт закончится, она будет готова к переменам.

– Спасибо, что ты заботилась о Бренде. В конце.

Эти слова были такими же неожиданными, как и известие о финансовых делах отеля. Карли заморгала:

– Не за что...

– Уверена, для нее это было лучше, чем мое присутствие. В конце концов, ты была для нее как любимая дочь, она часто упоминала об этом в своих имейлах.

«Служи и оправдывайся, – мрачно подумала Карли. – Мишель научилась брать тебя за глотку».

– Я не собираюсь извиняться за то, что заботилась об умирающей, – огрызнулась она. – Искажай как тебе нравится, я знаю, что случилось. Если это так тебя волнует, надо было приехать домой. Или вообще не уезжать. Конечно, тебе не пришлось бы сбегать и записываться в армию, если бы ты не трахнулась с моим женихом за два дня до нашей свадьбы. С учетом того, что ты была подружкой невесты, это стало некоторым шоком для всех нас.

– Особенно для тебя, – фыркнула Мишель. – Ты знала, что он за тип и что сделал. Почему ты вышла за него?

– Я была беременна. Без особого выбора. Мне не хотелось стать матерью-одиночкой. – Она невесело засмеялась. – Хотя это не слишком помогло.

Она подошла к прилавку и повернулась к Мишель. Стоять с ней рядом не хотелось.

– Но я не понимаю одного. Ты даже не извинилась передо мной за то, что трахнулась с ним. Даже не извинилась. А еще считалась моей подругой.

– Ты тоже.

– А что я сделала?

Мишель смерила ее долгим взглядом.

– Ничего, пожалуй, не считая твоей избирательной памяти.

Она явно за что-то злилась на нее, но Карли не могла понять за что. Ее саму предали два человека, которым она так доверяла. И теперь бывшая подруга говорит о какой-то избирательной памяти.

– Мне жаль, что моя мать лгала тебе насчет отеля.

Карли открыла рот, потом закрыла.

– Ладно, что уж теперь, – осторожно пробормотала она, не уверенная, что это не провокация.

– Я серьезно. Отель никогда ей не принадлежал, а она тебя обманывала, чтобы держать при себе. Нас с тобой это не удивляет, но все-таки так делать нехорошо.

– Спасибо.

Мишель кивнула.

– Он оставил его тебе в доверительном управлении? – спросила Карли.

– До моих двадцати пяти. Бренда фактически стала тогда хозяйкой. Лучше бы он сам остался, – сказала она, глядя на потолок. – Он не дал мне выбора.

Карли хотела напомнить, что в те же месяцы сама потеряла мать с такими же ужасными последствиями, но не стала портить их очень хрупкое перемирие.

– Я останусь, – сказала она Мишель. – И с радостью подпишу контракт.

– На два года?

Это было намного больше, чем она ожидала. Проработают ли они вместе два года? Она сомневалась. Но готова была попробовать.

Она кивнула.

– Я дам тебе прибавку, – сказала Мишель. – Сначала немного, но как только у нас улучшатся дела с финансами, получишь еще.

Карли притворилась, что верит ей.

– О'кей.

– Не веришь?

– Я слышала это и раньше.

– Я не Бренда.

– А я не такая, как ты думаешь, но это не убеждает тебя, и ты мне все равно не доверяешь.

Удивительно, но Мишель улыбнулась.

– Намек понят. Так и запишем. – Улыбка исчезла. – Ты откусишь мне голову, но я должна спросить тебя об этом. Что с домом твоего отца? Разве тебе не лучше было бы жить там, а не в отеле?

– Дом я продала. Это была идея Аллена. – Новоиспеченный супруг убедил ее, что для их растущей семьи понадобится что-то побольше. Она, как дура, согласилась с его планом – сначала продать дом, а уж потом искать что-то другое.

– Он свинтил со всеми деньгами через два дня после того, как мы закрыли депонирование. Забрал все до пенни. Банковский счет был общим, в совместной собственности. Копы погладили меня по головке и сказали, что я скоро найду себе другого мужа, но теперь должна быть умнее.

Она слегка вскинула подбородок, словно ожидая удара.

– Мне очень жаль.

– И все? Ты обошлась без насмешек? Без удара ниже пояса?

– У меня сегодня выходной по этой части. – Мишель оттолкнулась от стены и захромала к ней. На лицо ее снова вернулись серый цвет и усталость. – Нам надо поговорить насчет отеля. Кто будет тут работать. Мне хотелось бы сделать это завтра.

– Конечно. О, кстати, пару дней назад я говорила с супружеской парой. Психологами. Они хотят проводить тут что-то вроде семинаров. Консультации по вопросам семьи. Они хотят бронировать три номера в неделю, со вторника по четверг, все лето. Я проверила бронирование, и у нас есть свободные комнаты. Я хотела поговорить с тобой об этом, прежде чем дать им ответ.

– Передай, что нет никаких проблем. Деньги нам нужны.

– Сегодня позвоню им. – Она помолчала и нерешительно добавила: – Может, тебе нужно принять что-нибудь?

– Так плохо выгляжу, да? Все будет нормально. У меня все болит и будет болеть еще долго.

– Хочешь поговорить об этом?

– О чем?

– О чем угодно.

– С тобой? – Она засмеялась. – Нет.

– Если передумаешь...

– Нет, не передумаю. Даже если ты серьезно, у тебя ничего не получится. – Смех оборвался. – Карли, я не объект для сочувствия. Я твой босс. Если ты будешь помнить об этом, мы нормально поладим.

Она повернулась и, хромая, вышла на улицу.

Карли глядела ей вслед, разрываясь между горькой обидой, приправленной гневом, и раздражавшим ее сочувствием. Она злилась на Мишель и на несправедливую ситуацию, но все понимала. Мишель действительно была ее боссом. Тот факт, что они когда-то дружили, уже не имел значения.

А через что прошла Мишель – Карли чувствовала, что не сможет и представить себе, насколько это ужасно. Но даже если понять это невозможно, чуточку сочувствия все равно не помешает.

Она вздохнула. Кого она обманывает? Конечно, это будет тяжело и обидно. Но это не означало, что она не станет пытаться.

## Глава 8

– Почему твоя мать назвала тебя Манго? – спросила Мишель, прерывисто дыша. – Как фрукт? А у тебя есть сестра по имени Нектарина?

Мучительные судороги пробежали по ее бедру и вниз по ноге. Манго, высокий, угрюмый, темноволосый парень с сердцем и душой дьявола, усмехнулся.

– Это фамилия, – ответил он, добавляя мощность аппарату. – Еще пять движений.

Ее скользкие от пота ладони скользили по рукоятке.

– Больше не могу, – сказала она, понимая, что достигла предела и уже готова молить о пощаде.

– Можешь. Только не хочешь. Вот в чем разница.

– Я тебя убью.

Манго похлопал ее по плечу.

– Если бы я откладывал по центру каждый раз, когда кто-нибудь мне грозил, я стал бы уже богачом. Еще пять, Мишель. Не заставляй меня говорить голосом физиотерапевта. Тебе он не понравится.

Будь у нее силы, она бы ударила его. Она знала, как ударить, чтобы остался синяк, – один из плюсов боевой подготовки. Неофициальной, но полезной. Правда, Манго крупный и в ответ переломит ее, словно ветку.

Интересно, почему такой парень работал физиотерапевтом, а не – как это сказала Карли? – суперагентом, который может убить тебя спичечным коробком.

– Хватит ныть.

Она обругала его, потом пошевелила ногой еще три раза, и у нее потемнело в глазах.

Проворнее, чем она могла предположить, он вытащил ее из аппарата и наклонился над ней. Заставил опустить голову, надавив ладонью.

– Дыши, – приказал он; сильные пальцы схватили ее, и она поняла, что не сможет сесть прямо, пока он их не разожмет. – Мне плевать, если ты блеванешь, но сознания ты не потеряешь.

– Это информация или приказ? – спросила она между вдохами.

– И то и другое.

Она вздохнула полной грудью и видела уже яснее.

– Мне уже хорошо.

– Мне еще лучше, – сказал он, отпуская ее.

Она прислонилась спиной к аппарату и попыталась улыбнуться.

– В этом я не сомневаюсь. Но сейчас мне на это наплевать.

– Это пройдет.

– Возможно.

– Будь повеселей. Мужикам это нравится. А ты ведь не делаешь дома упражнения.

– А кто-нибудь их делает?

– Те, кто хочет поправиться, умеют находить время. Кому я должен позвонить, чтобы тебя заставили помогать мне?

– Никому. – Она встала и повернулась к нему спиной – в основном чтобы избежать возможных проявлений жалости с его стороны.

– Ведь должен быть кто-нибудь. Подруга. Враг. Мне без разницы.

– О'кей, да. Подруга. – Дамарис подойдет. Если добавить ночные танцы с бутылкой водки, можно сказать, что две подруги. Практически отряд.

– Делай растяжку, делай упражнения. Чем лучше ты будешь меня слушать, тем скорее перестанешь сюда приходить.

– Вот это мотивация.

Она протянула руку за тростью. Обычно она старалась обходиться без нее, но после терапевтической сессии так не получится.

Манго похлопал ее по руке.

– У тебя все нормально. Скоро будет легче.

– Ты говоришь это всем девушкам.

– Ты пациентка, а не девушка. И ты не слышишь, что я им говорю. Пойдем, я провожу тебя.

Она поплелась за ним, обходя оборудование и других ветеранов, в основном парней, работавших по программе. По сравнению с другими пациентами ей еще повезло – ее травмы были незаметными. Руки-ноги были целы, а травмы прятались внутри, и их видела только она сама.

Смотреть на все это не хотелось, и она позволила взгляду переместиться на ягодицы Манго. Его зад был впечатляющим – подтянутым и упругим. Зад атлета. Она могла побиться об заклад, что Манго хорошо выглядел голым. Хотя сейчас ее совершенно не волновали голые парни.

– Ну, до следующей недели, – сказал ей Манго. – И не опаздывай.

– Разве я сегодня опоздала?

– Нет, но я не хочу разочаровываться в тебе.

Его усмешка была заразной. Мишель поймала себя на том, что тоже улыбнулась в ответ, несмотря на пульсирующую боль в бедре.

Она заковыляла к выходу, но остановилась посмотреть на доску объявлений возле двери. Там были всевозможные листки. Обычный набор – вещи на продажу, совместные поездки на автомобилях и котят. Она просмотрела все, пытаясь найти аренду комнат.

Из-за финансовых проблем отеля она не хотела занимать номер, который они могли сдать туристам. К тому же она не хотела жить рядом с Карли. Прямо сейчас ей не требовалась квартира. В ближайшие месяцы она собиралась много работать. Одна комната ее вполне устраивала. Главное, чтобы она была не слишком далеко. Мишель была готова ездить, но не дольше сорока минут.

Она уже собиралась уйти, когда увидела маленькую карточку, какие бывают в каталогах. Предлагалась комната на острове, всего в нескольких милях от отеля. Цена была совсем низкая, и Мишель побоялась, что там будет ползать всякая гадость, но все же позвонила по указанному номеру.

– Тенли слушает.

– Здравствуйте. Я звоню насчет комнаты. Увидела карточку в госпитале для ветеранов.

Мужчина помолчал.

– Комната для вас?

– Да.

– Это как жилье для тещи[4 - Mother-in-law suite («номер/жилье для тещи или свекрови») – небольшое обособленное жилое помещение в доме или рядом с ним, может быть и пристройкой. Обычно здесь живут пожилые родители или

арендаторы.]. Отдельного входа нет, но комната находится рядом с кухней в другом конце дома. Вы знакомы с островом?

– Я тут выросла. Я Мишель Сандерсон.

– Из отеля?

Она не удивилась, что он знал ее. Остров маленький, и почти все знают друг друга. Здесь была только одна школа – от подготовительного до восьмого класса, – куда ходили все дети. После этого они ездили на автобусе до ближайшей средней школы.

– Я Джаред Тенли.

Фамилия была ей знакома, но лицо она не помнила. Судя по голосу, мужчина был на несколько лет старше ее.

– Когда ты вернулась? – спросил он.

– Несколько месяцев назад. А на остров – на прошлой неделе.

– Ты позвонила из госпиталя, значит, у тебя ранение. – Он помолчал. – О'кей, можешь взглянуть на комнату, когда хочешь.

– А сейчас можно?

– Вполне.

– Я приеду через полчаса.

– Буду ждать.

\* \* \*

Мишель закинула на плечо рюкзак и вылезла из кабины, стараясь перенести свой вес на здоровую ногу. Но даже так она охнула, оказавшись на земле, и к горлу подкатила дурнота. Подумав, что ее сейчас вырвет, она вспомнила Манго и засмеялась, но тут же поперхнулась и кашлянула, словно что-то попало не в то горло.

Вернув контроль над телом, она взглянула на ведущую к дому дорожку, короткую, всего-то метров пять. Тряхнула головой и взяла в руку трость. Танцевать она сможет еще не скоро. Пока что она радовалась возможности ходить в одиночестве, чтобы на нее не глазели люди. И хорошо, что этот дом одноэтажный. Она не могла и представить, как будет подниматься по лестнице в конце дня. И так придется часто ходить вверх и вниз в отеле.

Тяжело опираясь на трость, она обогнула свой грузовик и пошла прямо по дороге, не поднимаясь на тротуар. Дом с широкой верандой и декоративными мансардными окнами, вероятно, был построен в конце сороковых. Краска – светло-голубая – выцвела от времени и стала почти серой. Окна показались ей достаточно чистыми, но не настолько, чтобы переживать, что Джаред Тенли окажется одним из странных мужчин, одержимых чистотой и отмывающих до блеска все, что видят.

Она подходила к дому, когда отворилась дверь и вышел мужчина. При виде него она остановилась.

Он был высоким – метр девяносто пять, не меньше, широкоплечий, с буйными светлыми волосами. Ее саму не назвать коротышкой, без малого метр восемьдесят, но он был выше. В другой, нормальной ситуации она, пожалуй, восприняла бы это как должное, но тут, с больным бедром и хроническим изнеможением, растерялась.

Его лицо показалось ей скорее интересным, чем красивым, хотя голубые глаза были ничего. Если бы ей нужно было описать их одним словом, она бы сказала добрые. Одет он был как все местные парни – в выгоревшую клетчатую рубашку, заправленную в потертые джинсы.

– Мишель?

Она кивнула.

Он окинул ее взглядом с головы до ног, посмотрел на трость.

– Мы пойдем вокруг дома.

Легко сбежал с крыльца и шагнул к ней.

– Комната расположена на задней стороне.

Размашистым шагом он пошел впереди и подержал для Мишель калитку. Она увидела пандус, ведущий к задней двери.

– Остался от предыдущего жильца, – пояснил он.

Как ей повезло. По пандусу подниматься легче, чем по ступенькам. По крайней мере, сейчас.

Они зашли внутрь.

Кухня подновлялась лет десять назад. Полки были деревянные, вместительные, плита выглядела почти как новая. На виниловом полу Мишель разглядела несколько царапин, но он показался достаточно чистым для ее комфорта. У нее не было фобий, просто она не любила ничего ползающего или прыгающего.

– Гостиная и столовая вон там, – сказал он и махнул рукой на дверь в дальнем конце кухни. – Хочешь взглянуть?

– Какие-нибудь необыкновенные?

– Нет.

– Тогда мне и смотреть не нужно.

Он повел ее в другую сторону по короткому коридору. Открыл дверь слева, показал маленькую комнатку со стиральной машиной и сушилкой, потом зашел в спальню в конце дома.

Она оказалась приличных размеров, с широкой кроватью в одном конце и телевизором на тумбочке – в другом. Мишель осмотрела шкаф, потом маленькую ванную. Увидев душ, она обрадовалась. Значит, не придется каждый день перешагивать через край ванны.

Напоследок она прошла сквозь арку в маленькую застекленную террасу. Два кресла стояли перед большим окном, выходившим на задний двор, заросший травой. Чуть дальше набегали на плоский берег ленивые серые волны.

Места для нее тут было достаточно. В доме чисто, а вокруг спокойно.

– Ты чем занимаешься? – спросила она.

– Держу парочку лодок. Спортивная рыбалка и экскурсии.

«Сезонный заработок, – подумала она, – и зимы долгие и тощие в смысле финансов. Он сдает комнату, и это приносит ему каждый месяц небольшой доход. Пустячок, а приятно».

– Меня все устраивает, – сказала она. – У тебя есть какой-нибудь бланк договора, который мне нужно заполнить?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Слово «Айленд» (Island, остров) часто встречается в англоязычных топонимах (например, в названии американского штата Род-Айленд), однако не всегда относится к настоящим островам, в отличие от этого случая. – Здесь и далее прим. ред.

2

Ladies-who-lunch («леди-за-ланчем») – так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.

3

«Колесо Фортуны» – американская телеигра. Игроки разгадывают кроссворд по фрагментам и могут получить призы – какими они будут, определяется с помощью вращения ярмарочного колеса.

4

Mother-in-law suite («номер/жилье для тещи или свекрови») – небольшое обособленное жилое помещение в доме или рядом с ним, может быть и пристройкой. Обычно здесь живут пожилые родители или арендаторы.

----

Купить: [https://telnovel.com/melleri\\_s-yuzen/sezon-progulok-bosikom](https://telnovel.com/melleri_s-yuzen/sezon-progulok-bosikom)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)